

КРОКОДИЛ

№ 13 • май • 1985

ISSN 0150-2671

**Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.**

А. Твардовский. «Василий Теркин».

Читатель, приходят дни праздника — сорокалетия Победы над гитлеровским фашизмом.

Праздник этот, как поется в песне, со слезами на глазах. Склоним же головы перед памятью о наших родных и близких, обо всех, кто заплатил своими жизнями за вот уже сорок мирных лет.

1418 дней и ночей гремела и катилась по земле пламенеющим валом война.

То была война прежде всего за Отечество, поэтому ее назвали Отечественной.

В истории рода человеческого та война была величайшей, поэтому ее назвали Великой. Поэтому стала Великой и Победа.

Ту войну не представишь себе без крови и скорби, без страданий и гибели. Но едва приутихали громовые раскаты канонад, скражеты танковых гусениц и пулеметная дробь, как пробивались с передовой совсем другие звуки.

Лихая частушка под азартный перебор походной гармоники, летучая шутка-прибаутка и забористый анекдот, меткая самодельная поговорка и хлесткий каламбур — во всех истинно народных жанрах выражал советский солдат свою праведную ненависть к захватчикам.

В чем коренилась эта неистощимая бодрость духа, эта боевитая веселость советского человека даже в самые грозные и трагические дни войны?

Да, мы верили в конечное торжество нашего правого дела, в неизбежность Победы. Но будем еще точнее: мы твердо знали, что победим. Это не наивно-отвлеченный, а трезвый оптимизм, который неотвратимо следует из нашего понимания истории.

Гитлеровские стратеги жестоко ошибались, исключив из своих расчетов этот оптимизм. Они не понимали, почему советский воин не унывал даже в горькие для него дни отступления. Они бесновались, когда слышали смех, доносившийся из наших окопов. Они слишком поздно догадались, что наш, как тогда говорили, фронтовой юмор был смехом победителей.

Кстати, именно так — «Фронтовой юмор» — назывался сатирический журнал Западного фронта. А в военных газетах тех лет находим сатирические разделы: «Осиновый кол», «Фрицемор», «Смехомёт», «Беглый огонь», «Прямой наводкой»... Вспомним сатирические листовки и плакаты «Окон ТАСС», кинокомедии, эстрадные и цирковые программы, едко высмеивавшие фашистских горе-завоевателей, и по достоинству оценим ту поистине стратегическую роль, какую сыграла антифашистская сатира в грозные годы Великой Отечественной войны.

Понятно, с первых же дней военного лихолетья надел на себя солдатскую шинель и Крокодил. Увидели свет на страницах журнала образцы безымянного красноармейского юмора. Писатели и поэты, которые до войны были только читателями «Крокодила», становящиеся его активными авторами. Среди них — К. Симонов, Н. Вирта, В. Шишков, Л. Кассиль, А. Прокофьев, А. Яшин, И. Андроников, И. Сельвинский, Ю. Герман, Б. Лавранев, М. Луконин и многие другие. Под их фельетонами, стихами, рассказами нередко значится: «Действующая армия», «Юго-Западный фронт», «Северный флот». Несколько глав из поэмы «Василий Теркин» А. Твардовский публикует в нашем журнале.

В апреле 1945 года вышла книжка «Фронт смеется», положившая начало «Библиотеке Крокодила».

Сегодня перед вами номер, посвященный юбилею Великой Победы. Придерживаясь главных событий войны, но стараясь при этом остаться верными нашему жанру, мы включили в номер воспоминания ветеранов, ряд материалов из «Крокодила» 1941—1945 годов, а также работы современных советских и зарубежных карикатуристов. Ну, а заголовками для подборки мы разжились все у того же бессмертного балагура и доблестного солдата Василия Теркина...

МОСКВА ИЗ БИНОКЛЯ

Почесывая грудь и прочее,
спиной грязной вшей ворочая,
держа бинокль, в немецкий штаб
восторженный явился шваб.
Он каблуками браво цокнул:
«Идемте к ближнему леску,
берите, господа, бинокли,
осмотрим, господа, Москву!
Из восьмикратного она
уже близехонько видна!
Бинокль — прекрасный аппарат,
и в линзах дом, как на экране!
Что я увидел! Как я рад
помыться в Сандуновской бане.
Гостиницу я видел близко,
на белом столике вино,
салат, трофейная сосиска
увидена через окно!
Сокровищ там — сойти с ума!
Прошу продолжить наступленье:
О господа, скорей в дома,
В Москву с центральным отопленьем!
Глядишь, и словно входишь в дом,
становишься живым и бодрым!
Идемте, господа, осмотрим,
назначим время и возьмем...»
Действительно,
в бинокль Москва
видна и в призмах отражается,
Столица красная близка
и даже больше — приближается.
Но приближается она к врагам не теплыми углами,
а градом стали и огня,
красноармейскими шагами!
Москва приблизилась к врагу так близко,
что стекло мутнеет,
что он сгибается в дугу,
и отползает, и немеет.
Враг отползает от Москвы,
но приближьнье продолжается,
и, как железные тиски, Москва к фашистам приближается!
Враги бегут во все концы,
от бега яростного взмокли...
И держат красные бойцы в числе трофеев и бинокли!

Семен КИРСАНОВ, 1941 г.

ГРЯНУЛ ГОД, ПРИШЕЛ ЧЕРЕД.

Разгром фашистских войск под Москвой — решающее военно-политическое событие первого года Отечественной войны, начало коренного ее поворота и первое крупное поражение гитлеровцев во второй мировой войне. Был окончательно сорван фашистский план «молниеносной войны» и развеян миф о непобедимости германской армии.

Из «Истории КПСС».

Вставай, страна огромная,
вставай на смертный бой...

И сейчас, когда звучит эта песня, невольно суровеют лица слушающих.

С этой песней шли в атаку бойцы, с ее словами на устах умирали...

Как рождалась эта песня?

Появилась она на свет буквально в первые дни войны. 24 июня 1941 года в газетах «Известия» и «Красная звезда» были напечатаны стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача. Их заметил тогдашний руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии композитор Александр Васильевич Александров. В тот же день он написал музыку на эти слова, а утром 25 июня ноты новой песни уже стояли на пультах оркестрантов ансамбля.

Первое исполнение «Священной войны» состоялось на Белорусском вокзале Москвы 26 июня, и первыми ее слушателями были новобранцы, уезжавшие на фронт. Что же касается исполнителей, то сейчас в живых осталось лишь двое из них: сын А. В. Александрова, нынешний художественный руководитель теперь уже дважды Краснознаменного ансамбля Борис Александрович Александров и оркестрант-домрист Юрий Алексеевич Емельянов. Его-то я и прошу припомнить тот июньский день 41-го года, когда впервые была исполнена песня.

— Днем 26 июня мы выехали на Белорусский вокзал, — вспоминает он. — Мы — это одна из четырех концертных групп, на которые был разбит наш ансамбль в первый же день войны. Три из четырех групп уже выехали на передовую. Наша же бригада пока оставалась в Москве.

Транзитный зал Белорусского вокзала, где мы должны были выступать, был переполнен красноармейцами в новеньких, защитного цвета гимнастерках. В зале соорудили подмости из досок. Александр Васильевич расставил нас по местам, и зазвучали первые аккорды «Священной войны».

Нужно сказать, что перед началом концерта в зале было очень шумно. Солдаты прощались с родными, переговаривались между собой, женщины плакали. Но после нескольких тактов песни воцарилась глубокая, я бы сказал, оглушительная тишина, а после первого куплета весь зал уже слушал

ПЕСНЯ-ГЕРОИ

стоя. Мы видели, как напряглись и посерьезнели молодые солдатские лица, как с каждым куплетом становились они все решительней.

Не заметили, как исполнили песню до конца. Зал взорвался громом оваций. Мы вновь запели «Священную войну». Потом еще и еще раз. Не знаю, как долго продолжался бы этот концерт одной песни, если бы не раздалась команда «По вагонам!».

Через несколько дней отправились на фронт и мы. «Священную войну» пронесли по всем фронтовым дорогам. Этой песней мы часто заканчивали наши концерты на передовой. И с ней солдаты шли в бой.

Ансамбль прошел всю войну, и последнюю веху на этом долгом пути поставил наш солист Петр Любимов, распивавшись на стене рейхстага.

«Священная война» и поныне занимает особое место в нашем репертуаре. Ансамбль часто гастролирует за рубежом, и во многих странах нас просят исполнить эту песню. На Западе это не всегда удается, поскольку тамошние импресарио всячески пытаются удержать нас от исполнения патристических песен. Они просто не включают их в программу, которой по соглашению мы обязаны строго придерживаться. Несколько лет назад давали мы концерт в Канаде, в городе Торонто. «Священной войны», понятно, в программке не было. Но дело было девятого мая, и мы решили, что в такой день, несмотря ни на что, должны исполнить «Священную войну». Ею мы и закончили концерт. Зрители аплодировали стоя, а на следующее утро канадские газеты с восторгом писали об удивительной песне. И импресарио, кстати, остался доволен...

И вот о чем невольно думается сейчас: на войне звания героев заслужили не только люди и города. Есть у нас герои-стихотворения, например, «Жди меня, и я вернусь», есть и песни-герои. Это и «Землянка», и «Синий платочек», и в первую очередь «Священная война» — музыкальный символ нашей победоносной борьбы с врагом.

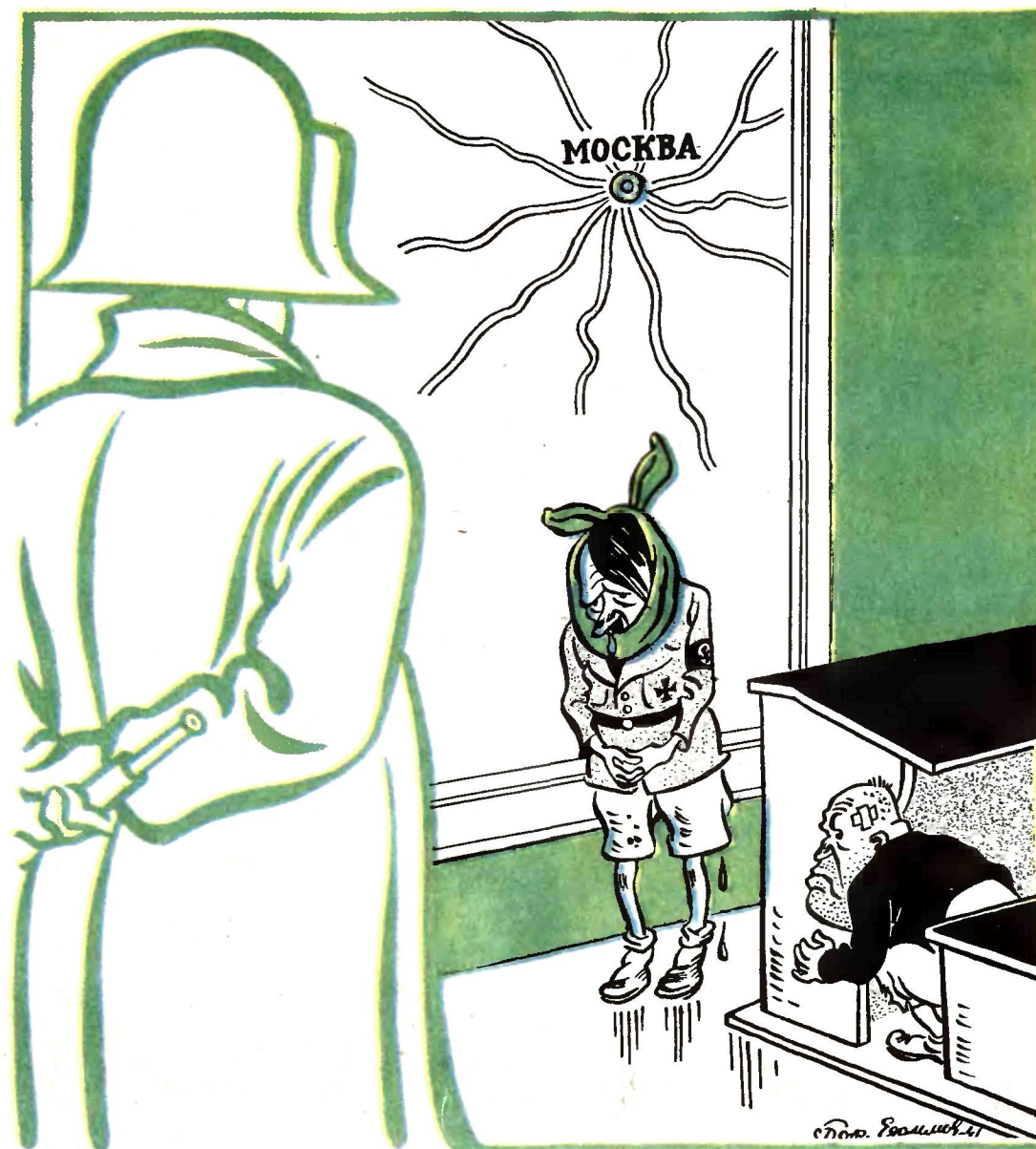
Беседу вел В. ВИТАЛЬЕВ.

Он брал Париж.

Он брал Белград.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ — Гитлер Адольф, вы снова не усвоили мои уроки!
— Герр учитель, мне все время мешали... и потом... было очень шумно и... холодно!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА, 1941 г.

НИБЕЛУНГИ В ЛАПТЯХ

В зале Московской битвы Центрального музея Вооруженных Сил СССР иностранный посетитель однажды недоумевал у стенда трофеев.

Оружие, амуниция, «Железные кресты» — все было ему понятно.

— Но почему здесь, как это... лапоть?! — изумился он.

— Трофейный, — вежливо пояснил экскурсовод.

Турист не верил. Он твердил, что в Германии, как и вообще на Западе, никогда не плели лаптей. Войлочная, кожаная, наконец, деревянная обувь — это Европа, но лапоть — русское изобретение тысячелетней давности. Об этом известно любому культурному джентльмену.

И вправду Европа не плела лаптей. До осени 1941 года потомки Зигфрида считали лапотниками нас, Россию, где лапти носят поголовно, водку пьют из самоваров, ездят исключительно на тройках с медведями и с утра до ночи жаждут освободиться от ига большевизма.

Гитлер «налегке собирался пройтись по России, исчисляя сроки всей кампании неделями и месяцами», — вспоминал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Первый парад на Красной площади они назначили на 5 августа...

Первые лапти стали попадаться у пленных фрицев в ноябре 1941 года. Наши солдаты удивлялись: лапоть был сплетен не по-нашему. Он не мягкий и округлый, а жесткий, и на подошве рант — эдакий утюг на манер туфли. Георгий Константинович Жуков назвал такую обувь «уродливыми самодельными галошами». Фашисты организовали их плетение в тыловых частях, поскольку вермахт под Москвой переживал «катастрофу снабжения». Так выразился Шпеер, министр военной экономики рейха, — в осведомленности ему не откажешь.

В декабре 1941 года, в разгар нашего победного наступления под Москвой, а плен попадали, кроме лапотных, фрицы, обутые черт знает во что: в женские боты, в ботинки, обмотанные соломой и тряпьем...

История с лаптями повторилась и в зимнюю кампанию 1942/43 года, когда войки фельдмаршала Паулюса разделили судьбу войка фельдмаршала Бока.

На том же трофейном стенде в зале Московской битвы рядом с лаптем лежит огромный барабан: метр в диаметре, полметра в высоту. Не с ним ли хотел протопать по Красной площади безымянный горе-музыкант?

Один такой знаток музыки, бывший гитлеровский офицер, некто Швайнбергер из ФРГ, совсем недавно вспомнил в мемуарах: «Кто хоть раз был накрыт огнем «катюши» (называвшейся в вермахте еще и сталинским органом. — В. К.), тот слушал органную музыку уже на небе. Кто пережил отступление от Москвы, тот никогда не забудет этих ужасных недель».

Помнит герр Швайнбергер. Вот такую-то память всем бы недобиткам.

В. КАНЕВСКИЙ.

Федор Чистяков поначалу был назначен в лыжном батальоне, защищавшем Москву, поваром. Скорее всего потому, что он умел управляться с лошадью. Кобыленка Ласка, таскавшая по снежной целине сани с продуктами, была белая как снег — ей не требовался маскхалат.

В снегах под Дмитровом Федор придумал печь блины из горохового пюре, причем без сковороды! Для этой цели приспособил малую саперную лопатку, которая имела в вооружении у каждого бойца. Такие блины в ту голодную пору казались нам не хуже домашних. Почин нашел массу последователей. В батальонах бригады у редкого костра на

днем пекли лыжники блины по-чистяковски. Они оказались существенным дополнением к промерзшим ржаным сухарям.

ПОВАР-ПУЛЕМЕТЧИК

Но на войне и поварам приходилось воевать. Однажды, догоняя первую роту, Федор на своих санях влетел в деревню, занятую противником, и вступил в единоборство с часовым. Схватка закончилась победой Федя. Выручила хорошая физкультурная подготовка.

Потом Ф. Чистяков стал младшим сержантом и ординарцем командира батальона.

Пришла весна. Лыжные батальоны заняли жесткую оборону в Новгородской области у с. Рамушево на реке Ловати, не давая врагу пробить коридор и соединиться с окруженной 16-й армией генерала Буша. Бои шли кровопролитные.

Запомнился жаркий бой у деревни Астрилово. Федор Чистяков вел огонь из блиндажа, но когда увидел, что фашисты обходят его, вытащил пулемет наверх и стал бить оттуда. Сотни гитлеровцев пьяными шли в рост «в психическую». Несколько раз Федор менял позиции. На подступах к селу уже валялись десятки трупов фашистов, а они все лезли. Кончились ленты. Федор взялся за автомат и гранаты. Силы были неравны, и пришлось отойти.

Но враг дорого заплатил за Астрилово.

Федор Чистяков был награжден орденом Ленина. Вскоре его назначили командиром пулеметного взвода.

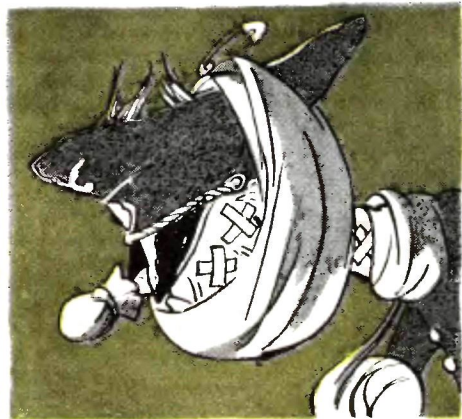
Взводом Федор Чистяков командовал успешно. Но вскоре, отражая очередную атаку фашистов, он погиб. Поэт Михаил Светлов, знавший Ф. Чистякова лично, писал после его смерти:

...Далекий мир за гранью облаков
Становится все менее огромным,
Мой пулеметчик Федя Чистяков,
Мой мальчишка дорогой, тебя я
помню, помню...

ПЛЕХАНОВ Б. В.,
полковник в отставке,
бывший рядовой-лыжник.

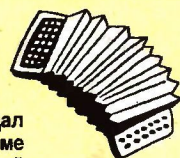
Он брал Льеж.

Он «брал» Москву.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ, 1941 г.

ХОЗЯИН СВОЕГО СЛОВА

— Фюрер дал слово, что мы к зиме вернемся с победой домой, а фюрер все может!

— Точно так, герр унтер-офицер. Он даже может взять свое слово назад.

СМЫШЛЕННЫЙ УЧЕНИК

Учитель. Альфред Рифке, назви самое жаркое место на земном шаре.

Ученик. Подмосквье, герр учитель.

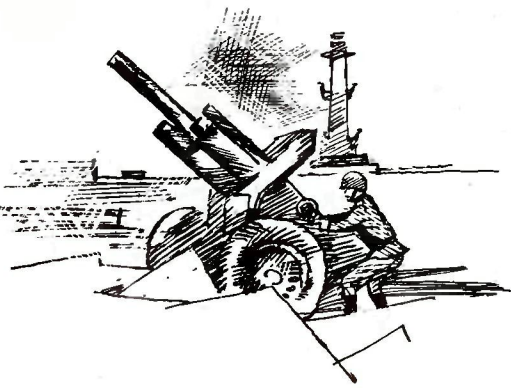
БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Фриц (Гансу). Уф, ч-черт, замерз до того, что и руки не смогу поднять вверх, когда русские нагрянут!

НАСЧЕТ ПОГОДЫ

— Какая сегодня погода?
— Самая антифашистская — 30 градусов мороза.

МНЕ НЕ НАДО БРАТЦЫ, ОРДЕНА, МНЕ СЛАВА

Январь 1944-го. Нас, танкистов, заранее не проинформировали, что будет прорыв (военная тайна!), но солдат сам смекает. Неспроста для чего-то собрали танкистов на НП, велели запомнить рельеф.

Слева — в стереотрубу видно — Пулковские высоты; от знаменитой обсерватории ничего не осталось, кроме разве Пулковского меридиана; впереди ничейная полоса, из-за которой немцы, издеваясь, частенько вопили в рупор призывы типа «Сдавайся мне на честный слова...» и выставляли из обжитых траншей белые булки, окорока, прочую аппетитную снедь: мол, попробуй, рус, вкуснятина!

Ночью нам приказали столкнуть в противотанковый ров подбитую тяжелую машину и сверху утрамбовать ее землей. Для чего?..

На другой день действительно началось. От нашей артподготовки — землетрясение, от красновоздушных бомбардировщиков темно, добавляют жару, — а мы, побритые, подтянутые, сидим наготове в могучей крепости на колесах, именуемой «КВ». На дворе лютый мороз, а на душе тепло...

Как только на танках утрамбованный мосток проскочили, началась работа... Сидим с Лином Угловым рядышком, одна смотровая щель на двоих — он маневрирует, от снарядов увертываясь, и просит: «А ну, полосни по гадам из пулемета!» Отдельные гады, уцелевшие после «землетрясения», уже начинают потихоньку вылезать из укрытий, драпака дают...

Проскочили их «суперлинию» обороны. Любопытно

было бы взглянуть на обжитые траншеи — говорят, с удобствами, с накатами, обоями, а на обоях, рядом с вдохновляющими картинками голых девиц, портреты фюрера наклеены. Ну, да некогда, потом поглядим. Главное — не давать фрицу передышки. С Пулковских высот на Гатчину гоним, увертываясь от бронебойных

ПРОРЫВ

«гостинцев». Раза три, правда, «гостинцы» входили в соприкосновение с нашей лобовой броней: встряска, темнота, под шлемами, чувствуем, вскакивают шишки, но ждем дальше.

Под вечер, однако, снарядом порвало гусеницу. На такой случай у нас был «секрет». Впереди машины дымовые шашки зажигаем: стелются черные клубы, вот-вот польхнёт — полная имитация взрыва! И, довольный собой, своей меткой стрельбой, фридц переносит огонь на другие цели.

Под прикрытием дыма звено гусеницы починили. И снова вперед, вдогонку за своим полком... Боевой маршрут у нас сложился почти туристический: Пулково — Красное село — Гатчина — Волосово — Поречье — станция Ям — Середка — Псков...

На третий день, когда мы уже за Гатчиной были, в час передышки к нам из города посланцы пожалова-

В январе 1944 года началось мощное наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов при поддержке Балтийского флота. Стремительно продвигаясь, советские войска отбросили врага к границам Прибалтики. Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады.

Из «Истории КПСС».

ЗАПИСКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА

Ноябрь, 1941 год. Сегодня фюрер назначил меня генерал-губернатором Ленинграда.

Правда, Ленинград еще нами не взят, но это вопрос дней, и мудрая предусмотрительность фюрера произвела на всех сильное впечатление.

Меня все поздравляют. Эльза в восторге. Она уже заказала себе вечернее платье для первого нашего бала, который мы дадим в Зимнем дворце.

Завтра уезжаем в

Хельсинки, а оттуда — прямо в Ленинград.

Декабрь, 1941 год. Живу в Хельсинки, в отеле. Мне отвели роскошные апартаменты в 10 комнат.

Эльза купила себе горностаявый палантин и уверяет меня, что горностай очень пойдет к Зимнему дворцу, где мы будем с ней жить.

Январь, 1942 год. Сегодня весь день думал над вопросом, где воздвигать виселицы, когда мы возьмем Ленинград: только

на площадях или также

на улицах? Решил: и на улицах.

Из Берлина приехал ко мне скульптор Шмерке посоветоваться насчет памятника фюреру, который мы поставим на Дворцовой площади.

Заодно заказал памятник и себе. Все-таки я первый германский генерал-губернатор Ленинграда. Эльза тоже захотела заказать себе памятник. Пришлось заказать.

Март, 1942 год. Третьего дня на фронт

уехал мой начальник канцелярии, с тем чтобы выяснить примерные сроки нашего переезда из Хельсинки в Ленинград, а сегодня я получил сообщение, что он убит.

На ночь читал справочник «Весь Ленинград» — советское издание. Слишком много Ивановых, Поповых и Смирновых! Решил повесить по 75% от каждой фамилии.

Август, 1942 год. Ленинград еще не взят.

Ноябрь, 1942 год. Еще не взят.

Январь, 1943 год. Не взят.

Февраль, 1943 год. Ленинград нами не взят, но русские взяли под Сталинградом в плен всю нашу 6-ю армию с Паулюсом во главе.

На меня лично тоже обрушился тяжелый удар: мне сократили расходы на представительство, и я теперь живу не в 10, а в 5 комнатах. Эльза очень огорчена.

Март, 1943 год. Не взят.

Май, 1943 год. Расходы опять сократили. Живу в 3 комнатах.

Сентябрь, 1943 год. Живу в одной комнате. Имперская канцелярия

ТРОФЕЙНЫЕ

На одной из площадей Ленинграда стоит огромная немецкая пушка. В мире артиллерийских орудий она вроде слона. Ее с гордостью перетаскивали немцы из Германии к Ленинграду. Для нее сооружали специальную бетонную площадку, потому что обыкновенная земля не держит это металлическое чудовище. Ее привезли немцы и установили специально для разрушения Ленинграда.

Но вот стоит безвредной трофейной громадой немецкая пушка на площади Ленинграда, и советские дети издеваются над ней. Стоит она, преглупо разинув пасть, — велика немецкая Федора, да дура.

Стоило бы окружить эту дуру-пушку коллекцией немецких трофейных дураков.

Трофейный дурак № 1. Это профессор Шюслер, ученый дурак при Гитлере. Он выступил 20 ноября 1941 года в здании Берлинского университета от имени Германского института внешних сношений. Немецкое радио передало во все концы его пространный доклад. Шюслер доказывал ссылками на историю, что Ленинград должен быть разрушен до основания, что он является не чем иным, как ошибкой истории, что он имеет права на жизнь и немцы должны теперь исправить «преступление» Петра Великого.

Посадить бы теперь дурака-профессора рядом с душой-пушкой.

Трофейный дурак № 2. Он швед по происхождению и немецкий бандит по призванию. Некогда он был знаменит: его прославили исследования в Азии. На старости лет он впал в буйное детство дефективного ребенка. Его зовут Свен Гедин.

В декабре 1941 года он приветствовал немецкие войска, подошедшие к Ленинграду, и заявил, что «Ленинград должен быть сровнен с землей». Он задыхался от злобы, кашлял в старческом изнеможении, брызгал слюной и из Стокгольма угрожал Ленинграду высокопоставленным кулачком. Шведская газета «Дагенс нюхетер» писала

Рисунок Ю. ГАНФА, 1944 г.

В ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ. Потомки прибыли.

НЕ НУЖНА, А НУЖНА, БОЛЬНА МНЕ РОДИНА, РОДНАЯ СТОРОНА!

ли—сказать пролетарское спасибо: «Вы представьте, как ликует Ленинград!»

Мы представляли. Мы стояли с ленинградцами в одном кольце— фронт с тылом, тыл с фронтом,— делили с ними жизнь и смерть, возили к рабочим Ижорского завода ремонтировать танки, и эти изможденные, обесиленные голодухой люди каким-то чудом делали работу по высшему классу. Им спасибо!

Через десятки лет после Победы, имея уже замечательных внуков, стал я разыскивать родной незабываемый, непробиваемый 46-й гвардейский танковый полк. 19 января прошлого года, к 40-летию снятия блокады Ленинграда, собрались мы на месте боев. Лия Углов говорит: «А помнишь, как ты из люка высовывался, когда радию повредило, орал радисту соседнего танка, по складам передавал депешу?» «А помнишь,— задаю я встречный вопрос,— у нас в бою люк снарядом снесло, мы еще у командира полка запросили: как быть?» «Как не помнить,— смеется Углов.— Приказал задрать люк ящиками и— в атаку!»

Переговорили, кажется, обо всем. Лия вдруг восклицает: «А где же твой орден Славы?» «Какой?»— интересно. «Тот самый, которым тебя за прорыв наградили».

После прорыва я был ранен, затем сражался в другой части и о награде ничего не знал.

Спустя 40 с лишним лет военкомат торжественно вручил мне орден Славы.

ЧЕРЕДНИК М. В., *сержант в отставке, бывший стрелок-радист.*

довела мою смету до такого предела, что я скоро буду ходить по улицам Хельсинки с протянутой рукой: «Подайте на хлеб ленинградскому генерал-губернатору!»

Январь, 1944 год. Все кончено! Русские под Ленинградом перешли в наступление. Мы отступаем.

Эльза весь день ходила по рынку— продавала на толкучке горностаевый палантин. Продала за четверть цены.

Февраль, 1944 год. Уезжаю из Хельсинки. Я получил новое назначе-

ние: теперь я уполномоченный по борьбе с паникой в одном важном бомбоубежище в Штеттине.

Эльза купила себе стальной шлем и ватные солдатские штаны.

Февраль, 1944 год. На вокзале в Хельсинки получил телеграмму: в связи с прямым попаданием бомбы в штеттинское бомбоубежище мое назначение отменяется. Мне предложено просто ехать в распоряжение имперской канцелярии. Господи, что-то будет?!

Леонид ЛЕНЧ, 1944 г.

Рисунок Л. БРОДАТЫ, 1944 г.

ДУРАКИ

тогда: «Свен Гедин хладнокровно предлагает уничтожить после немецкой победы миллионный город».

Под душой-пушкой нашлось бы уютное местечко и для дурака Свена (Свина?) Гедина.

Трофейный дурак № 3. Его имя неизвестно. Он выступил перед микрофоном 18 апреля 1942 года. Он говорил о близком конце Ленинграда, находясь на немецких позициях у самого города. Он начал так: «Мы вблизи Ленинграда. Погода сегодня очень ясная. Пушки молчат».

Пушки молчали в этот день. Дурак говорил. Он сказал уверенно: «Наша артиллерия и наш воздушный флот при любых обстоятельствах должны пробить и пробьют брешь в позициях противника». Он говорил, что судьба Ленинграда предрешена и что он и его спутники, может быть, последние люди на земле, которые увидят Ленинград. Город будет разрушен. Таково веление «фюрера».

Сколько в Германии таких дураков! Их бы штабелями сложить у подножия немецкой дуры-пушки!

Трофейный дурак № 4. Этот может, сидя верхом на дуры-пушке, отпраздновать годовщину своего выступления на радио в Берлине. Он квалифицированный дурак, потому что выступал в феврале 1943 года, когда германская армия украсилась уже изрядным количеством синяков и покрылась в разных местах солидными шишками.

Дурак говорил: «Ленинград должен быть разрушен и будет разрушен. На его месте останется голая болотная плешь».

Немецкая дура-пушка стоит на одной из площадей Ленинграда. Это памятник тупости и жадности. Немцы вырыли глубокие ямы под Ленинградом, чтобы схоронить в них навсегда развалины Ленинграда. Но они сами попали в эти ямы.

Ленинград стоит непоколебимо, как Россия.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ, 1944 г.

Последний и решающий раунд начался в два часа ночи.

Участниками этого необыкновенного матча были Густав Бернгардт и человек, временно пожелавший остаться инкогнито.

Необыкновенность состязания была во всем. Правила боя были такие: противники могли применять любой прием и даже любое оружие... Словом, им разрешалось все!

Матч происходил при очень скудном освещении. Зрители могли видеть только силуэты дерущихся.

Итак, решающий раунд... Положение противников такое: Бернгардт спокойно стоит, широко расставив ноги, всей своей фигурой выражая презрение к оппоненту. Человек, пожелавший остаться неизвестным, находится от него в пяти шагах. Он лежит, словно дразня Бернгардта: дескать, ну, смотри, я уже лежу на земле, бросайся на меня. Но Бернгардт, видимо, не хочет нападать первым. Он продолжает стоять и мурлыкать песенку: «Моя милая очень строга, но я умею делать ее ласковой».

ПОСЛЕДНИЙ РАУНД БЕРНГАРДТА

Возможно, что именно эта песенка вывела из терпения человека-инкогнито. Он быстро вскочил и одним прыжком оказался рядом с Бернгардтом. Ловкий удар по ногам—и Густав Бернгардт валится в канаву...

...Извини меня, читатель, за маленькую интригу. Все дело в том, что это происходит на войне, недалеко от Ладожского озера. Густав Бернгардт—это известный немецкий боксер, находившийся на военной службе в германской армии, а человек-инкогнито—это красноармеец Кораблев. Зрители—четыре красноармейца, которые вместе с Кораблевым были в глубокой ночной разведке.

Густав Бернгардт стоял в дозоре у дороги, и на него напорились наши разведчики. Решили: надо взять немца втихую и живьем доставить к себе. Операцию взялся выполнить Кораблев.

Конечно, если бы он знал о том, что ему придется иметь дело с известным немецким боксером, он, может быть, не решился бы на единоборство... Правда, он занял выигрышное положение: сел верхом на сбитого с ног Бернгардта и не давал ему приподняться.

Немецкий боксер защищался отчаянно, он бил Кораблева локтями, головой, ногами. Однако сбросить с себя красноармейца Бернгардту не удавалось. Тогда он начал кричать, звать на помощь.

— Этого еще не хватало!—Кораблев взял боксера за горло и быстро убедил его в том, что крик этот может плохо отразиться на его здоровье.

Когда красноармейцы узнали, какого гуся поймали разведчики, за Кораблевым в части укрепились прозвище «боксер».

И, конечно, Кораблев вправе считать себя боксером: в конце концов из-за него окончилась спортивная карьера знаменитого мастера кожаной перчатки.

В. АРДАМАТСКИЙ,
Ленинградский фронт, 1942 г.

НЕРАЗГОВОРЧИВЫЙ БЕРЛИНЕЦ

— Герр Фуллер, я должен сообщить вам неприятную новость.

— Гм...

— Ваш зять убит под Ленинградом.

— Ох...

— Говорят, что и шурин ваш убит там же.

— Ах...

— Какой вы странный! От вас никогда не услышишь вразумительной фразы.

— Пхе...

— Хоть бы выругались, что ли...

— Хайль Гитлер!

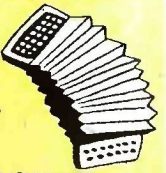
САМОУБИЙЦА

— Слышал, Ганс?

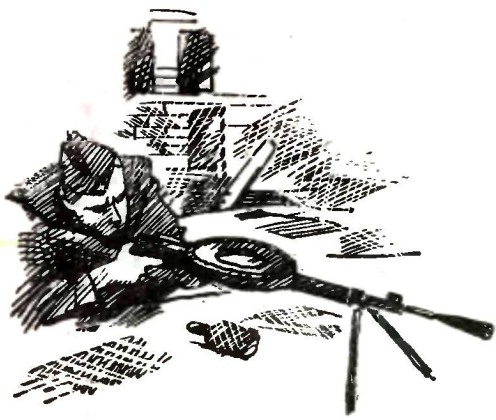
Обер-лейтенант Фурнфельд покончил жизнь самоубийством.

— А как именно?

— Представь себе, высунул голову из окопа... Какой ужас!

СИЛА СИМЕ ДОКАЗАЛА: СИМА СИМЕ-НЕ РОВНЯ.

же — израненные, без патронов. Знают: придет утро, ползут фрицы — отбиться не удастся. Тут Игнатенков вдруг командует:

— Всем разуться! Снять обмотки! У кого руки сильные, связывайте!

Сделали несколько прочных узлов, прикрепили получившуюся веревку к крюку у подоконника. Стемнело окончательно.

— Спускаемся! — решил Игнатенков.

Одному из бойцов удалось бесшумно спуститься

Взял Толя напарника и занял позицию в разрушенном доме. Два дня ждали они, на третий появился немецкий снайпер — и почти сразу попал к Толе на мушку. Полуживой, с воспалившейся раной, был доставлен Чехов обратно в медсанбат.

— Теперь мне будет легче, — шутил он по дороге, — а фриц-то уже не поправится!

Толя выздоровел. Еще десятки снайперов, подготовленные им, появились на наших огневых точках.

СТАЛИНГРАДСКИЕ БЫЛИ

Когда 13-я гвардейская стрелковая дивизия была брошена на подмогу нашим войскам в Сталинград, я выписывался из госпиталя. После тяжелого ранения ноги мне полагался месячный отпуск — дома, в Москве. Но я решил долечиваться в Сталинграде.

...— Ты? — изумился генерал Родимцев, когда я доложил о прибытии. — Сбежал? Ходить-то можешь?

Он посмотрел на палку, без которой ходить мне было еще трудно.

— Дополнительное оружие, — сострил я.

— Ну, раз так, принимай тридцать девятый полк.

Мы прикрывали подступы к Волге в районе пивзавода. А это несколько зданий с крепкими подвалами. Один из трехэтажных корпусов завода обороняло отделение сержанта Игнатенкова. Однажды, было это в ноябре 1942 года, немцы собрали ударную группу и после ожесточенного боя, длившегося целый день, захватили первый этаж. Началось темнеть. На второй этаж, несмотря на тройное численное превосходство в живой силе, фашисты двинуться не решились. У дома оставили часового и расположились ужинать.

Игнатенков с бойцами сидят на втором эта-

и убрать часового. Сразу же спустились и все остальные. Через полчаса Игнатенков вывел отделение в нашу полосу, не потеряв ни одного человека. А ранним утром он уже атаковал фрицев и успешно выбил непрошенных гостей из «своего» дома.

Чуть позже, когда оборона на нашем участке стабилизировалась, к нам был прислан закончивший школу снайперов восемнадцатилетний паренек Толя Чехов — обучать бойцов своему искусству.

После первого дня Толиной «работы» немцы стали перебегать от укрытия к укрытию, а раньше, да еще в сумерках, они ходили довольно нахально и неторопливо. Еще через два дня они начали ползать. Через неделю фашисты вообще старались не высовываться. А вскоре они привезли своего снайпера со спецзаданием — убить Чехова.

— Ничего, — смеялся Толя, — его пуля до меня не доберется — я ее на лету соблю!

Но пуля все-таки добралась. Чехов получил ранение. Его немедленно переправили на левый берег Волги, в медсанбат. И трое суток не прошло, как мне докладывают:

— Чехов вернулся, говорит, пока того фрица не уничтожу, все равно не поправлюсь.

С десятого января командирам полков было дано разрешение самим награждать особо отличившихся бойцов медалями «За боевые заслуги». В один из дней мы с ординарцем решили пробраться к нашей передовой огневой точке: я хотел наградить ребят за блестяще проведенную накануне операцию. Во время одной из перебежек мы попали под шквальный огонь. Делать нечего, залегли. Наконец, решаемся, ползем дальше. Все бы ничего, только палка моя шибко мешает. Взял я ее да и бросил.

Добрались. Прикрепляю я к гимнастерке бойца медаль, поздравляю его. А он мне говорит:

— И я вас тоже, товарищ командир, поздравляю. Вижу: совсем выздоровели, уже без палочки ходите!

— Да, — говорю, — полчаса назад я такой прилив сил почувствовал... Спасибо фрицам, вылечили!

С тех пор новой тросточкой я так и не обзавелся.

Близился победный час...

Первого февраля в 14.00 даю команду атаковать дом, в котором засели гитлеровцы. Первые выстрелы — и вдруг из атакуемого дома... полезли немцы. Именно полезли — казалось, изо всех щелей. Все машут белыми тряпками. И — почти хором: «Гитлер капут!»

Бойцы шутили:

— Докладывайте начальству, товарищ командир, что наша атака не удалась, сорвали атаку фрицы!

САМЧУК И. А., полковник в отставке, бывший командир полка.

БОГАТЫРЬ

Произошло это в разгар наступления наших войск на Сталинградском фронте.

613-й стрелковый полк 91-й дивизии атаковал вражеские позиции. Красноармейцы Белов и Белоусов поддерживали пехотинцев огнем из своего противотанкового ружья. Надо сказать, напарники в ожесточенных боях крепко сдружились и стали верными друзьями. Наводчик Белов был старше по возрасту и физическими данными чем-то напоминал русского богатыря. Его помощник — заряжающий Белоусов — был помельче и помоложе. Белов относился к нему, как к сыну, во всем проявляя отеческую заботу.

Атака развивалась успешно. Бойцы были уже рядом с вражескими окопами, как вдруг оттуда застрочил пулемет. Белов быстро сориентировался, выстрелил из бронебойки по вспышке и подавил огневую точку. В этот момент фашистская пуля ранила его напарника. Белов подзвал санитаря, передал на его попечение своего товарища, а сам в гневе подхватил бронебойку, весившую целый пуд, и ринулся с ней вперед.

— Белов, Белов, ты куда?! Остановись! — кричали ему бежавшие рядом красноармейцы, пытаясь остудить его пыл.

А тот, словно ничего не слыша, мчался к окопам. Достигнув вражеских позиций, врезался в самую гущу выскочивших из щелей гитлеровцев и начал орудовать бронебойкой, как былинный богатырь — увесистой палицей, приговаривая при этом:

— Вот вам за сынка, а вот вам за весь наш советский народ!

Подоспевшие товарищи помогли ему отогнать фрицев.

ПОПОВ А. В., лейтенант в отставке, бывший ответственный секретарь дивизионной газеты.

ЮБИЛЕЙ

В январе 1943 года в Сталинграде.

— Господа офицеры, мы должны отметить 10-летие прихода Гитлера к власти. Вносите предложения, как лучше это сделать.

— Предлагаю отметить, господин генерал, минутой молчания.

ПРАВИЛЬНЫЙ ОТВЕТ

— Выдь на Волгу — чей стон раздастся?

— Вояк Гитлера, Хорти, Антонеску.

ВОСПОМИНАНИЯ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

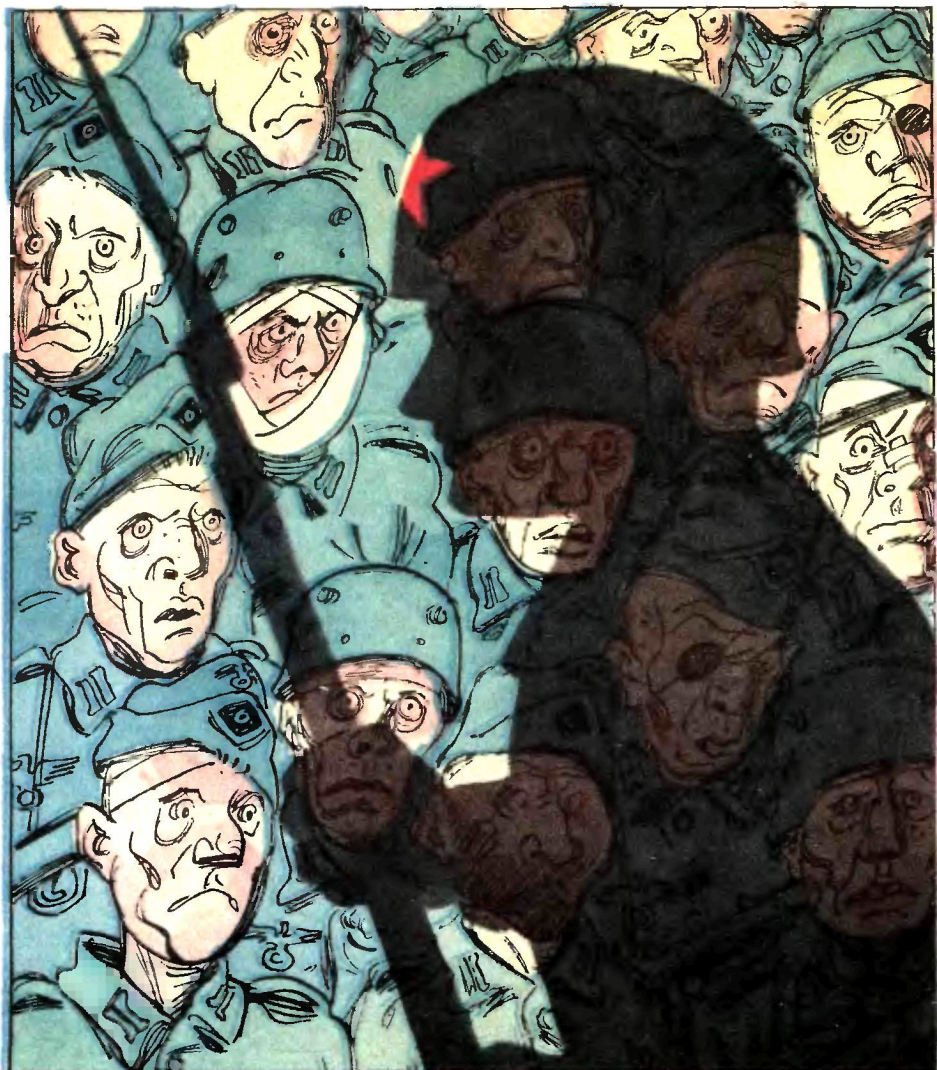
— Помнишь, Пауль, 1940 год?

— Еще бы! Мы были во Франции. Брали все, что попадалось под руки.

— Да, тогда у меня еще были руки.

— А помнишь, как мы бежали из Сталинграда?

— Еще бы! Ведь у меня тогда еще были ноги!

«Невеселы стали немецкие солдаты. Тень Сталинграда лежит на их лицах» («Гамбургер Фремденблатт»).

Рисунок Ю. ГАНФА, 1943 г.

ЕСТЬ МЕТАЛЛ ПРОЧНЕЙ МЕТАЛЛА, ЕСТЬ ОГОНЬ СТРАШНЕЙ ОГНЯ!

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС!

Стране родной в отраду
Идем, ломая гнет,
Удар под Сталинградом
Века переживет!

На запад гоним, гоним
Фашистские полки,
На запад рвутся кони,
Занесены клинки!

В могилы фрицев гоним,
Пусть сгинут, пропадут!
В снегах их похороним—
Живыми не уйдут!

В ратном поле, в нашей доле
Да живет обычай:
Мстить за угнанных в неволю,
За полон девичий!

За родное, за святое,
За свое заветное,
Мстить за солнце золотое
И за землю светлую!

Силу гневную растить
И мстить!
И мстить!

Дай им рубку-мясорубку
На просторе полевом,
Увеличивай зарубки
На прикладе боевом!

Пусть их лают, пусть их воют,
Пусть сойдет зверье с ума,
Гитлеру могилу роют
Целый мир, земля сама!

Александр ПРОКОФЬЕВ, 1943 г.

Победа на Волге — крупнейшее военно-политическое событие второй мировой войны. Она положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны и всей второй мировой войны... Разгром фашистских войск под Сталинградом стал исходным пунктом для нанесения последующих ударов по врагу...
Из «Истории КПСС».

ПРОЕКТ ПРАВИЛ АККУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

ОПЫТ ВВЕДЕНИЯ К ПРАВИЛАМ АККУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

События последнего времени обнаружили существенный пробел в германской военной науке, а равно в уставах германской армии. Массовая сдача в плен немецких генералов застала нас в совершенно неподготовленном состоянии. Ибо до войны с Красной Армией случаев массовой сдачи немецких генералов не наблюдалось, и таким образом не было надлежащего опыта в этой, как оказалось, чрезвычайно важной отрасли немецкого военного искусства.

Обратившись к военной истории германского народа, а также к классическим трудам Клаузевица, Мольтке, Шлиффена и других авторитетов германского военного дела, мы не нашли руководящих указаний. Надо при-

знать, что оптимальная сдача немецких генералов в плен—это то новое, что Красная Армия внесла в германскую военную науку.

Желая заполнить пробел в германской военной науке, я предлагаю к руководству нижеследующие правила аккуратной сдачи в плен немецких генералов, основанные на изучении опыта боев в Сталинграде.

ПРАВИЛА АККУРАТНОЙ СДАЧИ В ПЛЕН НЕМЕЦКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Когда сдаваться в плен?

Вопрос о выборе подходящего срока для сдачи в плен имеет важнейшее значение. Немецкий генерал, сдавшийся в плен преждевременно, рискует попасть в изменники: сдающийся слишком поздно—рискует попасть в покойники...

Легче всего определить подходящий момент для сдачи, когда командир Красной

Армии предлагает капитуляцию. Немецкому генералу надлежит, гордо отвергнув капитуляцию, начать немедленно подготовку к сдаче в плен.

Подготовка к сдаче в плен

Подготовку к сдаче в плен немецкий генерал должен производить обдуманно, тщательно, аккуратно. Надлежит: создать правдоподобную обстановку самоубийства, положить на стол револьверы и банки с ядом.

Можно оставить на столе недописанное письмо на родину со словами: «Приближается последний час. Я умру, Грета, с именем обожаемого фюрера на устах. Про...» В этом месте при желании можно поставить кляксу, дабы создать впечатление, что пишущий был неожиданно схвачен за руку.

Сдача в плен

Строго запрещается при сдаче в плен выражать бурную радость и благодарить тех красноармейцев, которые взяли в плен данного немецкого генерала. Немецкий генерал обязан помнить, что радость, допустимая при сдаче в плен рядового немецкого солдата или даже среднего офицерского состава, несовместима с высоким званием генерала немецкой армии.

С другой стороны, не рекомендуется проявлять крайнее выражение горя и скорби, восклицая, например: «Держите меня, я застрелюсь!» Надо иметь в виду, что русским варварам недоступны высокие чувства немецких генералов.

Посему немецким генералам при сдаче в плен надлежит соблюдать сдержанность, выражая на лице лишь строгую печаль и приличествующую обстоятельствам задумчивость.

Пребывание в плену

Находясь в плену, немецкий генерал обязан помнить, что аккуратность есть первей и святой долг немца. Потеряв честь, немецкий генерал должен держать в чистоте зубы и ногти. Посему, какова бы ни была боевая обстановка к моменту сдачи, немецкий генерал ни на минуту не должен расставаться с зубной щеткой и с принадлежностями для маникюра.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ, 1943 г.

Генерал-фельдмаршал Паулюс попал в историю.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА, 1943 г.

ДУК

Когда в конце 1941 года в редакции перестал появляться с рисунками художник Н. Лисогорский, Крокодил сразу смекнул: «Ясно! Ушел на фронт, чтобы с натуры рисовать фашистов...»

И действительно, в газете 64-й армии «За Родину!» ежедневно стали появляться его рисунки за подписью Н. Лис. Мастерской фронтному художнику служила землянка, сквозь бревна которой задувал сталинградский ветер. А сюжетов здесь хватало.

Приходилось Н. Лису на передовой делать зарисовки во время боев, а затем самому доставлять нашим воинам газету. Сатирическими типажками художнику часто служили пленные гитлеровцы. По воспроизведенным здесь рисункам можно судить, что во время

Сталинградской битвы фрицы уже основательно подрастеряли веру в непобедимость немецкой армии.

Блудливые физиономии гитлеровских воjak не могли не набить оскомину самому художнику, и все чаще он, изменяя сатирическому жанру, рисовал наших воинов.

По траншеям и окопам, по-пластунски и вперемежку пробирался он к отличившимся в бою храбрецам. Перед вами сохранившиеся портреты—артиллериста Песчальникова, пулеметчика Климанова, сержанта Дука...

Запечатлел он и подвал, из которого только что увели пленного фельдмаршала Паулюса... Тогда же появился и рисунок «Узелок на память о Сталинграде». Его напечатали в победный день 2 февраля 1943 года.

МАСТЕРСКАЯ В ЗЕМЛЯНКЕ

ПЕСЧАЛЬНИКОВ

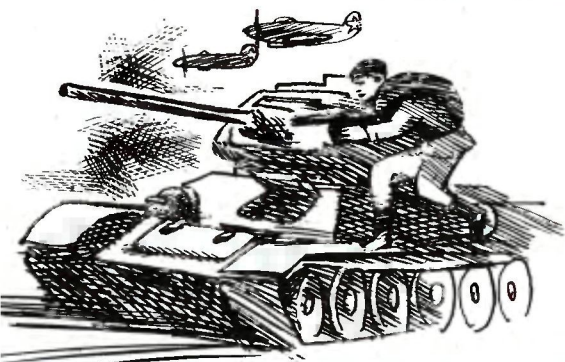

КЛИМАНОВ

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ О СТАЛИНГРАДЕ

И НЕ ТЕ КАК БУДТО ЛЮДИ, И ВО ВСЕМ ИНАЯ СТАТЬ,

Битва под Курском — выдающееся сражение второй мировой войны. В результате победы под Курском и выхода советских войск к Днепру завершился коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей второй мировой войны.

Из «Истории КПСС».

Рисунок КУКРЫНИКСЫ, 1943 г.

— Черт возьми! Оказывается, я нахожусь в районе Орловско-Курской аномалии!

— Каруселью мы называли немецкий боевой прием воздушной атаки, — рассказывает бывший командир батареи легендарных «катуш» 79-го гвардейского минометного полка 1-й танковой армии Александр Дмитриевич Аземшин. — Они выстраивались в гигантский круг и над нашими позициями по очереди падали в пике, бомбили, снова занимали место в строю и на втором заходе били уже из пулеметов.

11 июля 1943 года, накануне Прохоровского сражения, батарея вышла на открытую огневую позицию у села Верхопенье. Танки противника атаковали с холма, мы были уязвимы — находились в низине, но рассуждать некогда: танки нужно остановить!

А «юнкеры», «Ю-87» тут

как тут, начали свою обычную карусель.

Танки открыли огонь, мы почти готовы, расчеты ждут команду. Чтобы выбрать прицел для «катуш», 1-й расчет дает пристрелочный залп. Огонь! Полетели наши

ДЫРКА В «КАРУСЕЛИ»

реактивные: первый, второй, третий...

«Ох, и заработает командир расчета, — мелькнуло у меня. — Не по танкам, а в небо целит».

Но что это? Один из «юнкеров», вошедший в пике, от прямого попа-

дания реактивного снаряда разрывается в клочья, и на танки падают бесформенные обломки. Радоваться опять же некогда: бой продолжается. Прицел выбран, по танкам залпом бьет вся батарея!..

И у нас после боя, как у Твардовского:

*Адъютанты землю роют,
Дышит в трубку генерал:
— Разыскать тотчас героя!
Кто стрелял?*

А стрелял гвардии сержант Синичкин Михаил Александрович. ныне здравствующий ветеран. За сбитый «юнкер» он получил медаль «За отвагу».

АЗЕМШИН А. Д., капитан в отставке, бывший командир батареи.

Лечение ОТ ИЛЛЮЗИЙ

После сталинградской катастрофы зуд реванша не давал покоя фашистскому руководству. Не случайно курский выступ линии фронта был выбран им для решающего удара в 1943 году. Ударами с севера и с юга, из-под Орла и Белгорода Гитлер надеялся окружить два советских фронта в гигантском котле и получить стратегическую инициативу в юго- и северо-восточном направлениях.

На блицкриг отводилось 6 дней, но готовился он тщательно, долго и упорно. Гитлер шел ва-банк. В его приказе, зачитанном войскам накануне сражения, говорилось: «И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все». Они решили бить наверняка: лучшие дивизии вермахта, собранные в кулаки перед Центральным и Воронежским фронтами, были обязаны победить!

«ТИГР»

Подбитый пушкой двух русских молодцов
В день одного великого сраженья,
Тяжелый танк попал в конце концов
На выставку трофейных образцов
Немецкого вооруженья.

УКРОТИТЕЛЬ ТИГРОВ

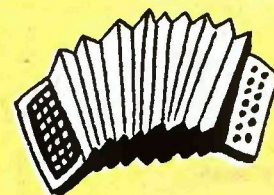
Рисунок Бор. ЕО

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Победно завершалась Курская битва. В середине августа 6-й танковый корпус генерал-майора А. Л. Гетмана вышел к Сумской области.

Село Боромлю взяли с ходу. Мы, группа командиров во главе с комкором Гетманом, остановились на летучее совещание прямо на главной улице. Едва начался разговор, кто-то указал на странную процессию: вдоль плетня шел танкист в противогазе без коробки, в рукавицах и нес соты. Над ним гудел рой пчел. За танкистом шагали два фрица с поднятыми руками и пехотинец-конвоир. Фашисты странно дергались, лица их были прикрыты каким-то тряпьем.

— Узнать, в чем дело, — приказал генерал. Танкист шагнул к нам. Пчелы — за ним. От греха подальше мы отошли, танкист что-то мычал в противогаз, но генерал махнул рукой и рассмеялся, глядя на немцев.

ОПРАВ

Немецкий Господин генерал, провал нашего Курском?

Генерал. Нет. Они атаковали на намеченного нами

ЕСЛИ ТАНКОВ И ОРУДИЙ—СВЕРХ ТОГО, ЧТО НЕГДЕ СТАТЬ.

Гарантами главной иллюзии—неизбежности немецкой победы—служили танковые дивизии и корпуса, в том числе эсэсовские «Райх», «Викинг», «Адольф Гитлер», «Мертвая голова». Но пришлось лечить врага и от других иллюзий.

Иллюзию «внезапности наступления» наши войска вывели артиллерийско-минометным шокотом в летнюю ночь 5 июля 1943 года в 2.20 московского времени—за сорок минут до начала операции по фашистскому плану. Тысячи трупов, расстроенные связи и управление войсками, задержка наступления—итог первой ночи Курской битвы для гитлеровцев.

Иллюзия «смертельного удара» по Красной Армии была развита в первый же день боев. Фашисты увязли в нашей обороне. За неделю 5—12 июля противник, понеся огромные потери, преодолел только один оборонительный рубеж. А рубежей было несколько. Одних окопов труженики тыла отрыли до десяти тысяч километров!

Иллюзию «танковой мощи» эффективно ликвидировали советские снаряды. Гитлеровских «тигров» и

«пантер», впервые введенных в дело именно на Курской дуге, укрощали маневренные «Т-34», 57-мм противотанковые пушки, усовершенствованные для борьбы с бронированным «зверинцем». Бойцы назвали эту пушку «зверобоем».

Во вражьей «фауне» на курских полях отметим танковую «свинью», преемника тевтонского боевого «клина», битого еще Александром Невским.

Иллюзию «еще удар, и русские побегут» особенно поддерживал фельдмаршал Манштейн, пробивавшийся к Курску с юга. Под Обоянью его танковые «свиньи» получили отпор 1-й танковой армии под командованием М. Е. Катюкова. Манштейн повернул армаду к Прохоровке и 12 июля 1943 года в сражении с 5-й танковой армией под командованием П. А. Ротмистрова похоронил свои иллюзии о победе вместе с четырьмя сотнями танков на прохоровском поле.

Несмотря на личную иллюзию Гитлера «русские выдохлись», 13 июля враг остановился. Удерживать «русских дьяволов» поставили генерал-полковника Моделя, получившего в рейхе титул «льва обороны».

Ставка на «тигров» и «львов» была разбита за 50 дней.

Одной из последних иллюзий в битве была «неприступность» Харькова. В очередную шоковую ночь, 23 августа 1943 года, «кноп» от Украины, как называли Харьков Гитлер и Геббельс, был взят войсками Степного фронта.

В дни боев на Курской дуге в гитлеровском стане витала тень дипломатической иллюзии: втянуть в войну Турцию, подхлестнуть к активности Финляндии и румынского диктатора Антонеску. И тут вышло наперекос: как раз во время битвы пал режим Муссолини. Десяток немецких дивизий, переброшенных в Италию с Восточного фронта, может, и спас бы дуге, но Курская дуга перемолола их тридцать!

Иллюзия «стратегической инициативы» была утрачена вермахтом в августе 1943 года. С тех пор и до конца войны его стратегия укладывалась в два слова: «тришкин кафтан».

ИВАНИХИН М. П., полковник в отставке, бывший командир батареи.

Открылась выставка. И хлынул тут народ,
Чтобы своими посмотреть глазами
На то, что было добыто с боями
За 41—43-й год.

Кто в первый день здесь не перебивал,
В аллеях самолетов и орудий?!
Из павильонов выходили люди
И шли потом туда, где «тигр» стоял.

И вот одна, с ребенком на руках,
Работница, а может быть, крестьянка,
Увидев танк, пошла навстречу танку,
И подошла, и стала в двух шагах.

Простая женщина! Что думала она,
Смотря на чудище, разбитое снарядом?..
Стал в это время с нею рядом
Артиллерист. По званию старшина.

«Не бойся, мать! Не больно страшный зверь!
Мы научились бить по этой стали.
Нам эти «тигры» нестрашны теперь,
Они для нас вполне ручные стали!»

Уже прошел десяток тысяч ног
По выставке. Уже дождем смочило
За этот день натоптанный песок,
А женщина домой не уходила.

По-прежнему она с ребенком на руках
Стояла перед грозной черепахой.
И на лице ее—ни тени страха.
Я гордость строгую прочел в ее глазах.

ФИМОВА, 1943 г. Сергей МИХАЛКОВ, 1943 г.

Выяснилась такая картина: наши застали гитлеровцев в этом селе врасплох. На западной околице, за крайней хатой, был уцелевший улей, и, наверное, взрывной волной его опрокинуло и развалило. Немцы, отступая, решили прихватить улей, чтоб слаще драпалось. Да не тут-то было! Не таковы пчелы, чтоб отдавать захватчикам свой дом и мед.

Два немца, очумев от укусов, потеряли ориентировку и побежали в сторону русских. Гленившим их танкистам тоже пришлось спасаться от пчел, надев противогазы и рукавицы.

— Эх, взять бы пчел на вооружение!—сказал на той летучке один из командиров.

— А хорош цветочный медок,—улыбнулся генерал.—Ну, ничего: понюхал Гитлер курских цветочков, будут ему и берлинские ягодки.

И были!
Герой Советского Союза КОЛОМЕЙЦЕВ А. Ф., генерал-майор в отставке, бывший командир дивизиона.

БОЛЬШИЕ УБЫТКИ

Рисунок Ю. ГАНФА, 1943 г.

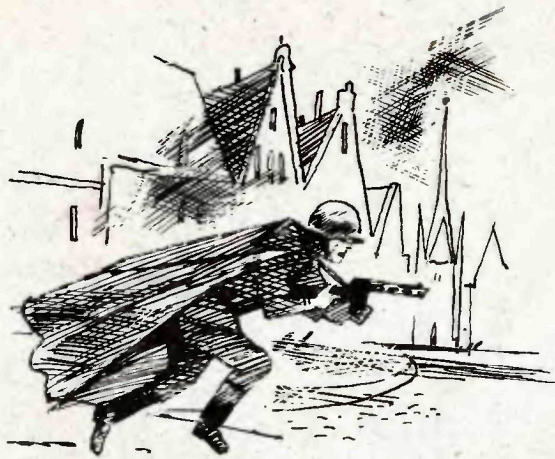
ДАЛСЯ
корреспондент. Чем вы объясните наступления под...
точностью русских... с раньше времени, для атаки.

СПЛОШНАЯ ТРЯСКА
Курт. Раньше меня трясло при упоминании о Сталинграде. Ганс. А теперь? Курт. Теперь меня трясет также при упоминании об Орле, Харькове, Таганроге, Полтаве...

СООБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ
— Ты слышал, Ганс, какую сообразительность проявил наш ротный минометчик?
— Какую?
— Мы побежали от русских, а он—к русским.

НЕМЕЦКАЯ СВОДКА И РУССКАЯ НАВОДКА
— Черт побери! Русский снаряд угодил в наш командный пункт! Кто ж теперь подпишет сводку об уничтожении советской артиллерии?..

ОБНАДЕЖИЛ
Солдат обращается к офицеру:
— Скажите, господин оберлейтенант, долго ли мы будем еще удерживать этот пункт?
— По приказанию фюрера—до последнего солдата!
— А!.. Тогда, значит, ждать недолго!

ПРАЗДНИК БЛИЗОК, МАТЬ-РОССИЯ, ОБЕРНИ НА ЗАПАД ВЗГЛЯД...

В ГОРАХ СЛОВАКИИ

Первый раз я попал за границу в 1944 году как участник десанта, заброшенного на помощь словацкому национально-освободительному восстанию.

Худого подтянутого словака Стефана Коцака, всеобщего любимца, мы прозвали «Коцеем». Умный он был, талантливый, все так и говорили: «С Коцеем мы бессмертны!»

Сражались у нас в отрядах и венгры, и немцы-антифашисты. А еще были англичанин и американец.

Англичанин был ярым пацифистом.

— Оружие мне не надо, буду так что-то делать!

Он стал нашим «обозником» и много дней неутомимо, переход за переходом, таскал мешки с мукой, беспрерывно напевая «Долог путь до Типперери».

Американец оказался просто своим парнем. Мы сразу вручили ему автомат, и он не пропустил ни одной боевой операции. После каждого удачного выстрела он гордо восклицал:

— Ю си! (Вы видите!)

После боя мы подводили итоги:

— Пять «ю си» американца — пять уничтоженных фашистов.

Но поистине братьями стали для нас французы. С ними вечно случались какие-то истории, а

что касается хорошего настроения, то они его буквально излучали. Молодые ребята, совсем мальчишки, были пригнаны в Словакию для работы на военных заводах «Поважская Быстрица». Через подполье удалось наладить с ними связь, и однажды ночью они попросту удрали из казарм (у фрицев не хватало людей для их охраны) и примкнули к нам. Стрелять они не умели, военных команд не знали и первое время были на положении стажеров — к операциям их не привлекали. Но именно из-за нашей излишней заботливости они однажды оказались в настоящем пекле...

Приходит ко мне как-то наш врач и говорит:

— Французы скучают.

— Что это, — говорю, — значит? Болеют, что ли?

— Да вроде того, — отвечает, — очень расстраиваются и лопают плохо. Короче, надо делать продовольственную операцию!

Я, признаться, удивился. Только недавно была вылазка, и теперь мука, консервы — все есть.

— Понимаешь, — чешет врач затылок, — они кофе просят. Привыкли, говорят. Жалко ребят! Ходят и канючат: «Кафе-е, кафе-е».

Вот мы их и пожалели. И отправились два батальона, русский и словацкий, за дефицитным

напитком. Хотя, как вы догадываетесь, не только за ним. Но, как потом выяснилось, было среди нас два немецких лазутчика, которые о «кофейной» операции успели предупредить своих. Когда на склонах показались фрицы — а это были отборные горнострелковые части, — в лагере находились только франко-венгерский взвод и врач. Тут французы и показали, на что способны. Дело было высоко в горах, кругом липкий весенний снег по плечи, да избушка лесника наверху — укрыться негде... И что вы думаете? Пока немцы поднимались, к счастью, очень медленно — снег и нехватка кислорода давали себя знать, — французы целую Ла-Рошель выстроили. Траншеи, укрепления, честь по чести. И все это... из снега!

Несколько часов длился бой. Потом врач рассказывал:

— Происходило что-то удивительное! Французы все время хохотали. В таком азарте были, так радовались настоящему бою, что шутили без перерыва. «О-ля-ля! — кричат. — Кофе сам к нам пришел в немецких вещмешках!» Подкосят фрица и шапочкой ему из траншеи помашут: «Гардон, месье...»

Продержались французы до нашего прихода. Немцы увидели, решили, что их окружают, начали лихорадочно отступать.

Французы ликовали. После ужина, прихлебывая из кружек, они приговаривали:

— Вот видите, как это хорошо: кофе! Как настроение поднимает!

Герой Советского Союза

КЛОКОВ В. И.,

подполковник в отставке,

бывший комиссар партизанского соединения.

НА ОТДЫХЕ

— Руди, ведь ваша часть была на отдыхе. Где же тебе ногу оторвало?

— Мы отдыхали в Югославии...

СМЕХ ПОД АРЕСТОМ

Известный венский комик Фердинанд Вейс заявил с эстрады:

— Раньше нам жилось хорошо. Теперь, говорят, лучше. Но было бы еще лучше, если бы нам опять жилось хорошо.

Немцы за эту остроту арестовали Вейса.

ОСТРОУМНЫЙ ПРОДАВЕЦ

По улицам норвежского города ходил со своим лотком продавец сельдей.

— Сельди, сельди! — кричал он. — Такие же жирные, как Геринг. («Геринг» по-немецки — «селедка».)

Гестапо арестовало продавца. Он отсидел две недели в тюрьме, а затем снова появился с лотком на улице.

— Сельди, сельди! — кричал он громче прежнего. — Такие же жирные, как две недели тому назад!

ОЧЕНЬ ПОХВАЛЬНО

— Посмотри, Ганс, как эта старая польская крестьянка усердно молится богу... За кого ты молишься, бабка?

— За немецких солдат.

— Похвально, похвально! А какую же ты молитву читаешь?

— За упокой.

Впервые я увидел Грайфсвальд на рассвете 30 апреля 1945 года глазами офицера разведотдела штаба 2-й ударной армии. В качестве парламентаря-переводчика я передавал немецкому гарнизону условия капитуляции, а затем присутствовал в старинной ратуше при подписании акта о сдаче города. Там же функции военного коменданта от полковника вермахта Рудольфа Петерсхагена перешли к советскому полковнику Павлу Мироновичу Синеокому.

Уже под вечер мы направились к экс-коменданту на квартиру, где он хранил документы. К нашему удивлению, полковник, ничуть не хитря и не таеясь, добросовестно передал нам все необходимые бумаги, давая по каждой из них исчерпывающие пояснения. Он как бы избавлялся от груза прошлого...

Окончив дела, мы с П. М. Синеоком собрались уходить. Вдруг раздвигаются широкие двери в соседнюю комнату, на пороге появляется элегантная женщина и с легкой, почти джокондовской улыбкой обращается к нам: господа офицеры, вы, мол, вероятно, устали с дороги, приглашаю вас к столу... И гостеприимным жестом показывает на парадно накрытый стол. Яства, вина, сервировка, цветы...

Надо признаться, что мы были действительно голодны. Не ели почти сутки, участвуя в только что закончившейся операции по освобождению города. А за годы фронтовой жизни уж начисто позабыли вид крахмальных скатертей и блеск хрусталя. Но Павел Миронович, нахмурившись, сказал мне:

— Передайте: советские офицеры за один стол с врагом... Впрочем, отставить. Передайте, что мы благодарим за приглашение, но у нас ни

минуты свободного времени. — И, слегка подмигнув мне, добавил тихо, не для перевода: — Будем немного дипломатами.

Чувствовалось, что хозяйка искренне огорчена нашим отказом. Но не настаивала и сказала нам «ауфвидерзейн».

...Двадцать лет спустя, 30 апреля 1965 года, мы снова в Грайфсвальде. Впервые после войны. Мы — это группа почетных гостей — ветеранов 2-й ударной армии во главе с бывшим командующим, Героем Советского Союза генералом армии И. И. Федюнинским, приехавшая на торжества по случаю дня освобождения Грайфсвальда.

Днем, в перерыве между официальными мероприятиями, мы с генералом П. М. Синеоком побывали в гостях у почетного гражданина города, видного общественного деятеля ГДР, писателя Рудольфа Петерсхагена. То самого бывшего полковника вермахта с рыцарским крестом на шее.

«Перемены в моем мировоззрении, — писал он мне ранее в одном из писем, — характерны для тех немцев моего поколения, которые сумели извлечь уроки из ошибок прошлого и

стали убежденными борцами за мир. Все: они сумели правильно оценить случившееся: те, на кого мы коварно напали, приняли в апреле сорок пятого наше предложение о сдаче Грайфсвальда. Этому благородству Красной Армии город Грайфсвальд обязан своим спасением от бессмысленного разрушения...»

За дружеской беседой незаметно пролетел час, другой. Кажется, время раздвигаются широкие двери в соседнюю комнату, на пороге появляется седая, но все такая же элегантная женщина, и с легкой, почти джокондовской улыбкой обращается к нам: «Дорогие гости, вы, вероятно, устали с дороги. Прощу к столу». И приветливым жестом показывает на парадно накрытый стол.

На сей раз мы, естественно, сказали «данке» и прошли за хозяйкой в столовую. Но прежде чем сесть за стол, фрау Ангелика с лукавой, уже не джокондовской улыбкой спросила:

— Не узнаете?

Мы с Павлом Мироновичем переглянулись.

— Да, конечно, тогда мы отказались сесть за один стол...

— Нет, нет, дорогие друзья. Я не о том. Ваше поведение было оправдано. И мне тогда попало от Рудольфа. Я имею в виду другое. Узнаете ли стол? Нет? А ведь на столе все то, что стояло тогда. И сервировка, и марки вин, и цветы, да и меню — все то же. Ужин, который ждал вас двадцать лет!

— Ну что ж, — улыбнулся в ответ Павел Миронович, — в таком случае мы сегодня готовы поужинать дважды...

ЛЕВИН И. И.,

капитан в отставке,

бывший военный переводчик.

Красная Армия шла на запад как армия-освободительница. Советский народ, борющийся за свою свободу и независимость, не мог оставаться равнодушным к судьбам других народов, томившихся под игом фашизма.

Из «Истории КПСС».

МИНЫ И ХРАМ

Второй день мы разминировали польский город Острув-Мазовецка, на полдороге от Белостока к Варшаве. Фашисты не оставляли нас без работы: мины, снаряды и авиабомбы, всевозможная взрывчатка ждали на любом мало-мальски важном объекте. Уходя, гитлеровцы с маниакальным упорством оставляли за собой смерть.

...Мы уже легли, когда к нам пожаловал ксендз, пожилой, невеселый человек, который просил обследовать костел. По его словам, немцы костел заминировали.

Мы быстро собрались и поехали. Метр за метром прощупали стены, пол, алтарь, хоры, подвал—мин не было.

И вдруг мой ординарец Иван Гиря находит в подвале обрывок упаковки мelenита—взрывчатки, по свойствам близкой к толу. Сомнений нет: костел заминирован. Снова ищем. Наконец, там же, в подвале, стетоскоп фиксирует часы, вмурованные в стену. Еще в двух местах Гиря и Джоев, ас нашего подразделения, находят в стенах подвала химические взрыватели.

Пять машин смертоносного груза вывезли мы из храма и взорвали за городом. Часовой механизм был 21-суточным и должен был сработать в день католического праздника. Какую гнусную провокацию задумали гитлеровцы! Какой заряд ненависти поляков к освободителям подкладывала чья-то изуверская душонка!

Священник перекрестил всех нас, работавших в храме, и обещал ежегодно в этот августовский день посвящать проповедь «капитану Виктожу Кажану» и его солдатам.

Наш путь лежал на Варшаву, на Торунь, Быдгощ, на Щецин. В Польше нам приходилось разминировать школы, вокзалы, промышленные объекты, гостиницы и даже рестораны: До сих пор стоит перед глазами Щецин—не берусь сказать, сколько взрывчатки на душу населения заложили в городе фрицы. Там я впервые столкнулся с многослойным минированием: под слоем мин—земля, под нею—новая укладка, потом еще слой мин. И хотя за Польшу у меня только одна медаль—«За освобождение Варшавы», я часто вспоминаю польскую землю, очищенную от всей этой дряни, вспоминаю День Победы, встреченный в Быдгоще.

КАГАН В. М.,
подполковник в отставке,
бывший командир саперного подразделения.

ЧТО ТАКОЕ РЯДОВОЙ

Вот послушайте-ка, братцы,
Что такое рядовой.
Вышло так, что поначалу
Бил я немца под Москвой.

Под Москвою бил я немца
Тридцать суток аккурат.
А потом из лазарета
Угодил под Ленинград.

Дрался я под Ленинградом,
Как не дрался отродясь,
Но болело почему-то
Мое сердце за Кавказ.

За Кавказ болело сердце,
Будто был он родной брат.
А пришлось идти на Волгу,
Воевать под Сталинград.

Воевал под Сталинградом
Я, пока хватило сил.
Два раненья, три награды
За него я получил.

На Днепре я с немцем дрался.
По-над Бугом немца гнул.
А потом как разозлился,
Аж до Венгрии махнул.

Но, скажу вам честно, братцы,
Чтоб имели вы в виду:
Не солдат я буду, если
До Берлина не дойду!

Сергей ВАСИЛЬЕВ, 1944 г.

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Война вплотную подошла к столице Германии... С новой силой проявились массовый героизм и высокое воинское мастерство советских воинов. Ломаю сопротивление врага, они окружили рейхстаг... Германское фашистское государство рухнуло под ударами Красной Армии.

Из «Истории КПСС».

ПОПРАВКА

В конце войны довелось мне воевать в составе медсанроты 228-й артиллерийской дивизии прорыва. С нею дошел до Берлина. Помню, на стенах домов столицы «тысячелетнего рейха» красовались аршинные призывы Геббельса держаться до конца, превратить Берлин в непобедимый город и т. д. Почти все они были перечеркнуты красной краской. Особенно запомнилась большая нетронутая надпись: «Берлин остается немецким!» Только рядом уже свежей краской кто-то из наших дописал: «Да, немецким, но без фашистов!»

Очень доходчивая наглядная агитация! Берлинцам, уставшим от войны, она пришлась по душе.

П. КУЗЮР,
бывший рядовой.

В ЛОГОВЕ ЗВЕРЯ

Это случилось в дни боев за Берлин. Нашему танковому полку, которым я тогда командовал, было приказано овладеть Берлинештрассе с выходом к рейхстагу. Но пробиться с танками напрямую через горячие завалы, через груды камней и кирпича по узким улочкам было невозможно. И тут разведчики доложили, что можно пройти в обход через городской зоопарк. Я отдал приказ, и наши танки пошли в наступление... Многие вольеры были разрушены авиабомбами и артснарядами, животные, обьятые ужасом, метались в поисках убежища.

— Вот оно, логово зверья, — пошутил кто-то из наших танкистов. И уже серьезно добавил: — Пусть такие логова будут в каждом городе, но вот логово зверей двуногих мы уничтожим навсегда!

Мы прошли по краю зоопарка, и я видел, как старательно танки объезжали зверей, клетки, вольеры. Они шли к другому, более дикому и страшному логову Гитлера и его подручных... И дошли!

Я. МИЛЫХ,
майор в отставке,
бывший командир полка.

НЫНЧЕ РЕЧИ О БЕРЛИНЕ.

НА РЕЙХСТАГ!..

Военной судьбе было угодно распорядиться таким образом, что мне удалось сыграть кое-какую (разумеется, далеко не главную) роль при взятии рейхстага.

Однако все по порядку. Представьте себе 30 апреля 1945 года. До рейхстага несколько шагов, и до начала атаки буквально считанные минуты. А тут радист докладывает, что осколком повреждены аккумуляторные батареи радиостанции, обеспечивающей связь командного пункта с дивизией, идущей на штурм.

Заменить батареи новыми — минутное дело. Но это в мирное время. А тут — шквальный огонь противника, и до радиостанции добраться можно лишь по-пластунски. Если повезет, конечно.

Словом, на полпути фашисты так меня прижали огнем к земле, что и головы не поднять. Лежу в распоротой осколком гимнастерке, прикрывая собой драгоценные батареи. Обидно умирать в двух шагах от Победы. Да что там обидно! Просто нельзя!..

И тут, посмотрев вверх, я вдруг увидел в закопченном, дымном небе поистине фантастическое зрелище. Два наших самолета, сделав над площадью перед рейхстагом крутой разворот, сбросили... не бомбы, нет. В воздухе развернулось и заколыхалось большое алое полотнище с надписью: «Да здравствует Первое мая!» Так летчики Малиновский и Новоселов поздравили идущих на штурм с наступающим праздником.

Мне словно прибавили сил. Рванулся я вперед и догнал батареи до места. И радиостанция заработала.

За обеспечение связи я был награжден орденом Отечественной войны. Что и говорить, большая честь и огромная радость для бойца. Но, пожалуй, не меньшую гордость я испытал, слушая, как через мою радиостанцию комкор Перверткин докладывал маршалу Жукову о том, что над рейхстагом водружено Знамя Победы!

Конечно, о своей роли при взятии рейхстага я сказал в шутку. Но я безмерно счастлив, что, как и тысячи других воинов, смог внести в решающий штурм свою небольшую, скромную лепту.

УБИЛАВА К. Х., лейтенант в отставке,
бывший командир взвода связи.

— Всего с собой не возьмешь!
Берлин, пожалуй, придется оставить...

Рисунок И. СЕМЕНОВА, 1945 г.

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

— Ого! Такой худой и такой тяжелей!

— Не извольте удивляться, господин доктор: у меня нога из нержавеющей стали.

Идет тотальная мобилизация. Берут всех подряд, от 15 лет до 60; больных, увечных, инвалидов.

— Призывник, внимание. Сколько пальцев я показываю?

— Не вижу.
— А сейчас? — Врач подходит ближе.
— Кажется, два.
— Пишите: годен для ближнего боя.

— Немецкие солдаты! Я должен поблагодарить перед строем отважного фельдфебеля Шмидта. Ему в бою оторвало руку, а он хоть бы что. А говорят еще, что тотальники — плохие воины. Фельдфебель Шмидт, скажите, вы, вероятно, в пылу битвы за фюрера не почувствовали боли?

— Никак нет, господин генерал: мне оторвало деревянную руку.

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ

Встретились два немца — Шульц и Мюллер. Один прибыл из Будапешта, другой — из Берлина.

— Как дела в Венгрии? — спросил Мюллер.

— Кошмар! — ответил Шульц. — Черт бы их побрал, наших союзничков! Представляете себе? Приезжаю в Будапешт, выхожу из вокзала, ставлю чемодан. С кем-то заговорился. Оборачиваюсь — бац! Нет чемодана!..

— Это пустяки! — сказал Мюллер. — У меня было хуже. Приезжаю в Берлин. Выхожу из вокзала. Ставлю чемодан. С кем-то заговорился. Оборачиваюсь — бац! Нет вокзала!..

ШУТКИ ПРОЧЬ, — ПОДАЙ БЕРЛИН.

ДВА ПАМЯТНЫХ ДНЯ ФРОНТОВОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Встреча на Эльбе

26 апреля 45-го года

Еще со школьных времен, когда мы уже твердо усвоили, что есть на земном шаре Волга, Нил, Амазонка и Дунай, река Эльба как-то не возникала в нашей памяти. А вчера ее короткое имя прогремело на весь мир. Вчера советские солдаты и солдаты армий наших союзников встретились в районе города Торгау на Эльбе.

Как часто бывает в подобных случаях, проходили встречи и «по интересам». И вот мы, три военных корреспондента 3-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта — капитан Михаил Яновский, майор Николай Грибачев и я, — встретились с тремя военными, на головных уборах которых значилось: «Пресса». Двое из них были американцы, третий — канадец.

Мы расположились на пригорке, беседовали, виртуозно пользуясь сразу тремя языками — русским, английским и немецким. Хлебнули по очереди водки, закусывая нехитрыми харчами, которые предусмотрительно захватили с собой на случай дружеской встречи, и обсуждали ход событий.

— То, что сделала советская армия, — сказал канадец, — наверное, не смог бы сделать никто другой.

— Да, русские — храбрые парни! — поддержал его один из американцев.

Другой, занятый закуской, только одобрительно кивнул. А закончив, патетически изрек:

— Война — это кошмар, она скоро кончится и никогда больше не повторится. Никогда!

Они очень удивились, узнав, что мы не любим жевать резинку, но наш «Казбек» им понравился, как и нам их «Кэмел». На прощание Грибачев щелкнул ФЭДом на память о встрече.

С той поры прошло сорок лет. Я смотрю на фотоснимок, запечатлевший «встречу на Эльбе», и думаю: живы ли эти журналисты военного времени, и если живы, помнят ли, что война — это кошмар, который не должен никогда повториться?

Бранденбургские ворота

3 мая 45-го года

Так вот он каков — Берлин! И вот оно, знамя, полыхающее над рейхстагом. И Александерплац. И гордость берлинцев — Бранденбургские ворота...

Мне вспомнился сорок первый год. Северо-Западный фронт. 759-й полк, мой первый бой за деревню с забавным названием Крутики. Я уселся на какой-то

обломок ступенек рейхстага и написал в блокноте своим боевым товарищам, многим уже неживым, строки, исполненные гордости:

*Помнишь ли, бойцов бесстрашных рота,
Как мы шли под пулеметный град?..
Нынче Бранденбургские ворота
На коленях предо мной стоят.*

И, оставив на закопченной стене автограф, зашагал с друзьями дальше по Берлину.

Мы шли по улицам, смотрели на колонны танков, на идущих строем и просто так офицеров и бойцов, на девчат в пилотках, регулировавших движение легким взмахом палочки, на стариков, женщин, детей, которых на перекрестке кормили кашей из котла полевой кухни, на еще не содранные со стен угрожающие плакаты «Зиг одер Сибириен!» («Победа или Сибирь!») и белые простыни, вывешенные на подоконниках, хотя и без них все было ясно.

А один из встретившихся бойцов уверял нас, что немцы прекрасно понимают и говорят по-русски. Он сам слышал, как они кричали: «Гитлер капут!»

ЮДИН Б. М.,
майор в отставке,
бывший военный корреспондент.

В ЭТУ НОЧЬ

Может быть, в этот ранний час Маршал Советского Союза Жуков спокойно брился перед маленьким походным зеркалом?

Может быть, маршал авиации Теддер не спеша ел свой первый завтрак, который по-английски называется «брексфэст»?

И, может быть, в это время Кейтель ходил взад и вперед по комнате, специально ему для этого отведенной, и нервно обдумывал, как подписывать капитуляцию: с маршалским жезлом, поднятым вверх или опущенным книзу?

Что же касается Ивана Петровича из нашего дома, что в Замоскворечье, то он как раз в этот самый час объявил категорически:

— Подписывают! Из достоверных источников.

Дело было 7 мая. Иван Петрович даже рассчитал:

— В общем, в 12 часов ждите салюта!

Однако авторитет Ивана Петровича был непоправимо подорван. По радио передавали сонату.

Теперь с надеждой и упованием смотрели на Любочку Зарецкую. Все же знают, что в нее влюблен раненый летчик Алмазов. А летчик сказал коротко и ясно:

— Будет.

В общем, это был не понедельник, а сплошное нервное переживание.

Во вторник, 8 мая, люди ходили какие-то странные. На некоторых лицах было ясно написано: «Знаю, но не скажу!»

А радио?! Вдруг во время очередного концерта — пауза... Сколько миллионов глаз обращено было в этот миг к репродукторам! А после паузы:

— «Соловей» Алябьева!

Ждали в 5 часов, ждали в 7, ждали в 9... Уговаривались запомнить и рассказать, за каким делом застанет каждого сообщество. Постепенно затихали в своих комнатах.

У Зарецких задержался летчик Алмазов. Он тихо сказал Любочке:

— Люба, когда кончится война, вы мне ответите на один вопрос...

Посреди ночи раздалось слова:

— ПОДПИСАНИЕ АКТА О БЕЗОГОВОРЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ...

Вы помните? Целовали всех подряд, кричали «Ура!». Звонили сами и в промежутках отвечали на чьи-то звонки. И если набирали не тот номер и попадали не туда, все равно поздравляли и обнимали по телефону!

Летчик Алмазов сказал взволнованно:

— Люба, война кончилась. Но то, о чем я хотел вас спросить, я лучше спрошу завтра. А то вы мне омрачите счастье, если ответите «нет».

— Ой, нет, я вам отвечу «да!» — прошептала Любочка.

Весь наш дом лег спать только часов в пять. А ровно в шесть поднялся невообразимый шум. Кто-то бегал по коридору, стучал кулаками в двери и кричал торжествующим голосом:

— Вставайте! Просыпайтесь!! Как можно спать?! Победа!! Ведь я же говорил!

Это был Иван Петрович. Не понимаю, как мы ночью позабыли о нем? А он спал. А теперь проснулся. Но все равно, его тоже обнимали и объясняли ему все своими словами.

И в конце концов что такого, что наш дом в эту ночь спал только один час? Приятно было проснуться в комнате, в доме, в городе, в стране, куда в эту ночь, 9 мая, вошла Победа!

Варвара КАРБОВСКАЯ, 1945 г.

Советский солдат вымет фашистскую нечисть из своего дома, из Европы, из самой Германии. Осталось вымести со ступенек имперской рейхсканцелярии нацистские побрякушки — гитлеровские военные награды, которые теперь уже никому и никогда не будут вручены.

Фото Евгения ХАЛДЕЯ. Берлин, май 1945 года.
Публикуется впервые.

В ЧЕМ ОНА, ЗАСЛУГА НАША? ЯСНО:

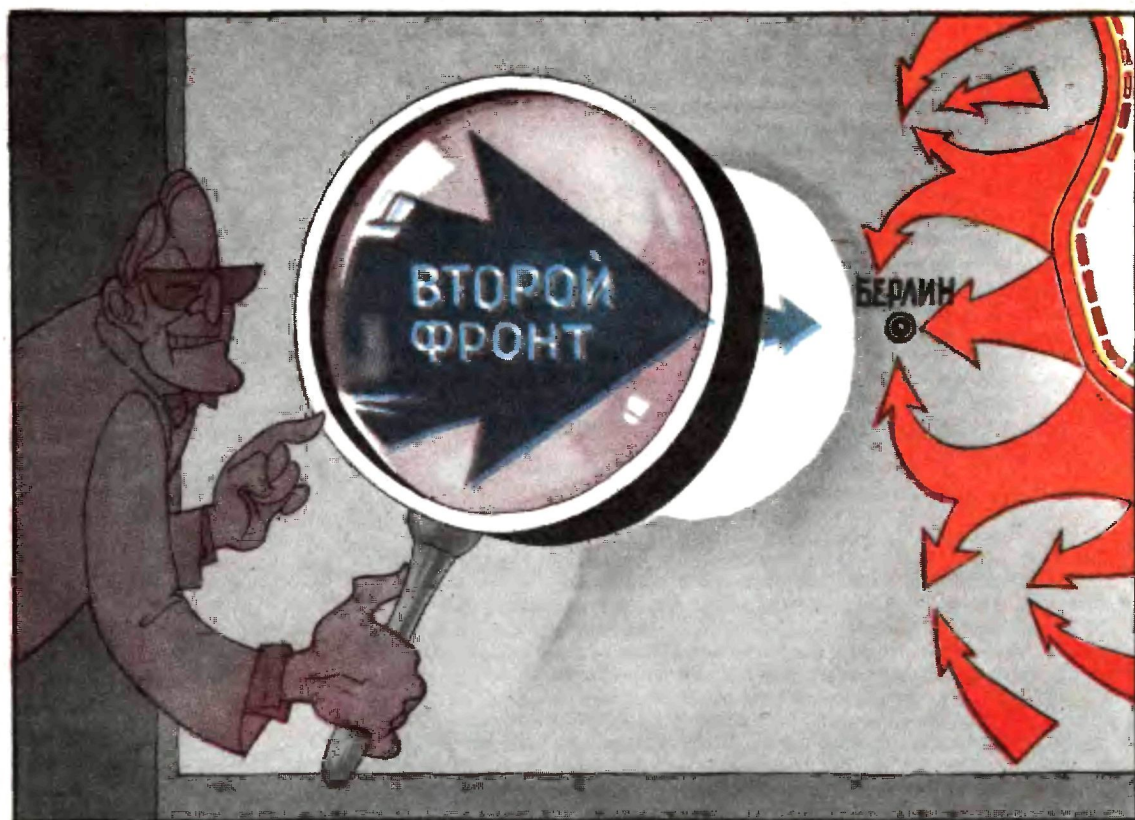
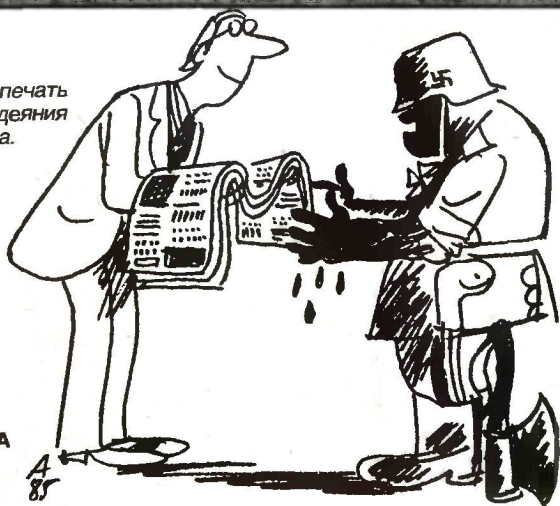

Рисунок Ярослава ПОПА (Чехословакия).

← ЧЕРЕЗ ПРЕУВЕЛИЧИТЕЛЬНОЕ СТЕКЛО
Рисунок Л. ГОРОХОВА.

Шпрингеровская печать
пытается обелить злодеяния
гитлеровского вермахта.

— Прошу вас,
вытирайте
ручки.

Рисунок
Георгия АНАСТАСОВА
(Болгария).

— Мы требуем
пересмотра
границ
в Европе!

Рисунок
ИБИС-
ГРАТКОВСКОГО
(Польша).

— Простите, милейший, но вы находитесь
в стратегически важном районе.

Рисунок
Луиса РАУВОЛЬФА (ГДР).

КРОКОДИЛ

№ 13 (2491)
май

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная
коллегия:
М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного
редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,

Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный
редактор),
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный
секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,

В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного
редактора).
Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, ГСП, МОСКВА,
А-137,
БУМАЖНЫЙ
ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86;
212-21-73.

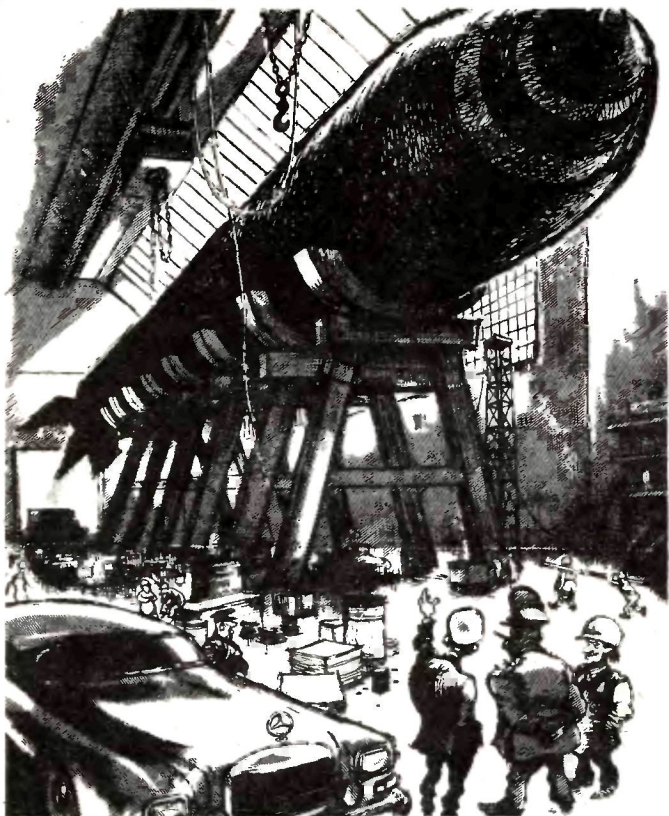
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Уроки Великой Отечественной войны служат грозным предостережением для разных любителей военных авантюр.

ИЗ «ИСТОРИИ КПСС».

ЗА КУЛИСАМИ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

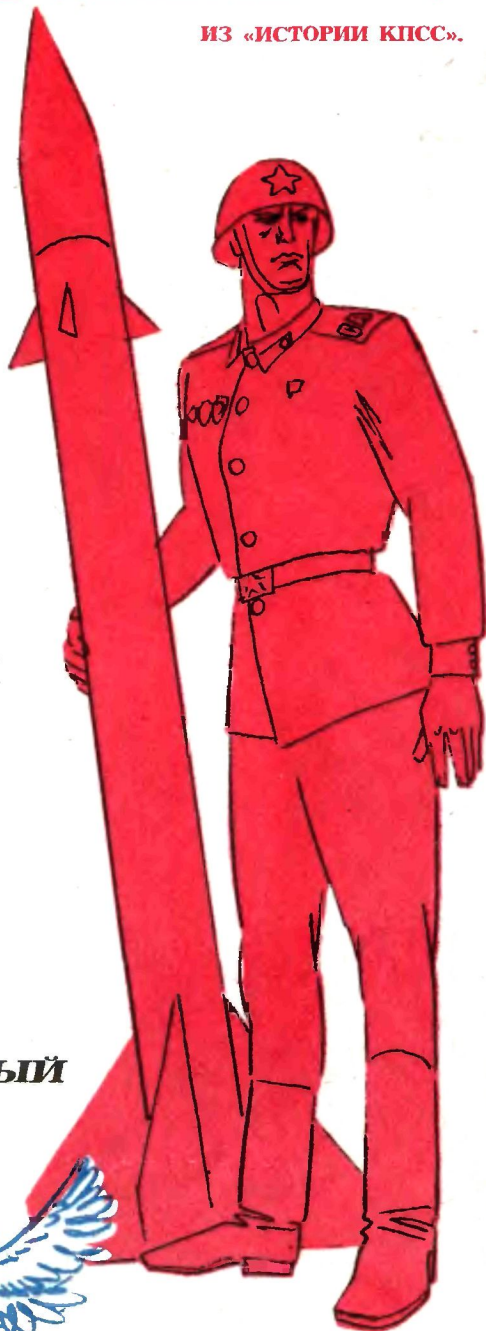
— Генерал, десятью этими малютками вы можете взорвать к черту всю планету, но мы готовы дать вам лично на лапу, чтобы вы заказали в нашей корпорации пять тысяч таких ракет.

Рисунки Оливера ХАРРИНГТОНА (США).

— Это наши современные силы поддержания мира, вернее, удержания мира подальше с помощью силы.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ПОСТ

Не могу без оговорки:
Хоть стихи для вас сложу,
Ярко так, как Вася Теркин,
Я, конечно, не скажу.
Но в одном вопросе мне ясен
И во сне, и наяву—
Верю, что со мной согласен
Будет он по существу!
Пожелает он:
— Ребята,
Мира вам— на тыщу лет!
Для бывалого солдата
Ничего дороже нет!..
Скажет Теркин откровенно
Вам и вам, себе и мне:
— Да, друзья, такую цену
Заплатили мы войне,
Что всем миром поголовно,
В городах, в любом селе,
Безраздельно,
Безусловно
Мы за мир на всей Земле!
Мы за то, чтоб на планете,
Что не так уж велика,
Позабыли слезы дети
На века
Наверняка!
Чтобы всяческие беды
Не стояли у дверей,
Чтоб у внуков были деды,
Сыновья— у матерей!
И еще добавит Теркин
От души, понятно, всей,
Что уж если будет «горько»,

То на свадьбах у друзей!..
...Повсеместно
Всем известно
В полушарии любом:
Ты к нам гостем? Честь и место!
Для гостей— и стол, и дом!
Ну, а кто решит явиться
К нам манером не таким—
Порох есть в пороховницах,
И, учтите, он хранится
Не каким-нибудь— сухим.
Говорю об этом смело,
По-простому, без затей,
Чтобы были в курсе дела
Реваншисты всех мастей.
Тем, кто любит в позе чинной
О «свободах» повещать
И мечтает с грозной миной
Толстой ядерной дубиной
Нас из космоса страшать,
Здесь не худо бы, поверьте,
Вспомнить прошлого урок:
Всем, кто чтит торговлю смертью,
Не пойдет торговля впрок!..
Но для этого на страже
Крепко мы стоять должны.
В чем она, заслуга наша?
Ясно: в том, что нет войны!
В общем, бабушки и деды
И, конечно, молодежь—
Всех вас, молодые иль седые,
С Юбилейным Днем Победы!
Дня светлее не найдешь!

КРОКОДИЛ.

Сдано в набор 01.04.85.
Подписано к печати 08.04.85.
А 05583.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5300000 экз.

(2-й завод 3151050—3601168).
Изд. № 1101. Заказ 02389.

© Издательство «Правда».
«Крокодил», 1985 г.
Фотоформы изготовлены в ордене Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

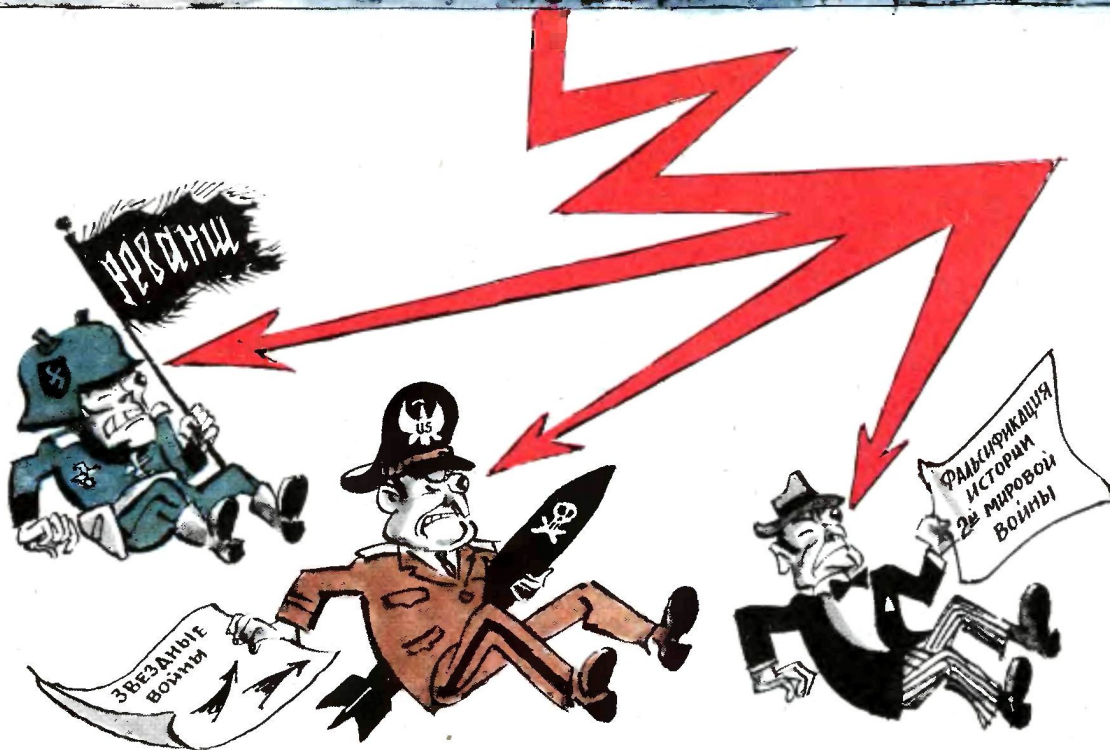

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

ЮМОР

Когда враг нас бомбил у Познани,
Бил на бреющем из пулемета,
И, как вши, под рубахою ползали
Капли

Холодного
Пота—
Вот тогда в это пекло и крошево
Приходил он на помощь
По-братски,
Незаметно,
Незвано,
Непрошено,
Русский юмор,
Наш юмор солдатский.
В села Керченского полуострова
В дни гудящей железной осады
С неба низкого,
Грубошерстного
Он бросал нам на помощь
Десанты.
Парашюты, как одуванчики,
На ладони,
На плечи
Садилась,
И частушки взлетали, как мячики,
И наивные шутки
Шутились.
Враг входил
За селеньем

в селение,

Но хребет
Не сломал он Кавказский.
В плен
Не взял он
В своем наступлении
Русский юмор,
Наш юмор солдатский.
И за проволокою
За колючею,
Где овчарки не шли,
А стелились,
По любому пустячному случаю
С непонятною силой
Живучею
Наши русские шутки
Шутились.
Да! Делили мы корки последние.
Да! Рвались под ногами снаряды.
Но при этом
Писались комедии
Даже в дни
Ленинградской блокады.
И в Берлине,
Охваченном пламенем,
На простреленном нами
Рейхстаге,
Рядом с нашим отеческим знаменем
Русский юмор
Раскрыл
Свои флаги.

Николай ДОРИЗО.